

Вячеслав Жуков

КУКУШКА

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Вячеслав Владимирович Жуков

Кукушка

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2816955

Аннотация

«Ксюша шла по улице, ежась от холода. Старое, поношенное пальто совсем не согревало, и порывистый, студёный ветер продувал его насквозь. Хотелось зайти в первый попавшийся подъезд, прижаться к теплой батарее и согреться. Вроде бы и не зима еще, а уже холодно. Совсем не так, как у них в Краснодаре. Там еще сравнительно тепло и можно было бы ходить без этого дурацкого пальто. И вообще, там намного лучше, чем здесь в Москве. И люди там не такие...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вячеслав Владимирович Жуков

Кукушка

Глава 1

Черный «Фольксваген» остановился так внезапно, что ехавшая за ним красная «четверка» чуть не впечаталась ему в задний бампер. Ее водитель объехав иномарку, приложил палец к виску, тем самым давая понять, что у сидящего за рулем «Фольксвагена» не все в порядке с головой иначе бы не стал так резко тормозить.

Но, похоже, водителю «Фольксвагена» было наплевать на мнение владельца совкового драндулета. Он и сидящая рядом симпатичная молодая женщина лет двадцати восьми не отрываясь наблюдали за беременной девушкой в сером пальто.

– Значит, это она и есть?... – спросил водитель «Фольксвагена» у своей очаровательной спутницы.

Та согласно кивнула.

– Да. Она самая.

Водитель «Фольксвагена», мужчина лет тридцати, крепкого телосложения, выстукивал пальцами дробь по баранке руля, при этом оценивающе осматривая шедшую по тротуару девушку.

– А она красивая, – сказал он, о чем-то призадумавшись.

Женщина ревниво глянула на него.

– Нравится? Вижу как глазки у тебя загорелись.

– Да брось ты. Знаешь, о чем я сейчас подумал? А проблем у нас с ней не возникнет? – предостерегающе спросил он.

На симпатичном личике брюнетки появилось нечто похожее на усмешку.

– Да какие могут возникнуть проблемы? Она не москвичка. Приезжая. Учащаяся колледжа. А кроме того, мы ей предложим деньги. Заметь, мой милый, в жизни любого человека они занимают немаловажную роль. А уж в ее, тем более.

– Это верно, – согласился водитель «Фольксвагена» и тут же предложил: – Тогда чего мы ждем? Давай запишем ее в машину и все дела.

На этот раз на лице брюнетки появилось нескрываемое разочарование.

– Нельзя так грубо обходиться с девушкой, мой дорогой. К тому же, она и так никуда от нас не денется. Вот увидишь, – обнадежила она.

Водитель равнодушно хмыкнул, не собираясь спорить со своей попутчицей, посчитав это дело безнадежным.

– Как знаешь. Тебе видней. Ты же у нас голова, – подчеркнуто произнес он. Но сказанное им, брюнетке не понравилось. Она заметила скрытую усмешку.

– Лучше не говори так, – сделала женщина водителю строгое замечание. – Ведь мы работаем вместе. И ты знаешь, я всегда прислушиваюсь к твоему мнению.

Костик, так звали водителя «Фольксвагена», мог бы на это возразить, напомнить, что такое бывает очень редко. Но что изменит его напоминание? Ровным счетом ничего. В таком случае, какой смысл возражать.

– Ладно, ладно. Не дуйся, – миролюбиво сказал он и поведя широченными плечами, которым было тесно на спинке сиденья, спросил: – Ну, а сейчас-то нам чего делать? Вот так сидеть и смотреть на нее?

В глазах его попутчицы отчетливо читалось самолюбие.

– Костик, а сам ты неужели не догадываешься? – укорила его женщина.

Водитель Костик промолчал. Он хотел сказать, что всегда и во всем привык полагаться на ее мнение, но решил не делать этого, чтобы не ставить себя в унижительное положение. Мужчина он или кто, в конце концов.

– Мы не просто сидим и смотрим, как ты, милый, выразился. А выжидаем нужного момента, и тогда... – женщина не договорила, только слегка кивнула головой, но водитель ее понял.

– Да не вопрос. Как скажешь, так и сделаем, – сказал он, и медленно поехал за девушкой.

Ксюша шла по улице, ежась от холода. Старое, поношенное пальто совсем не согревало, и порывистый, студеный ветер продувал его насквозь. Хотелось зайти в первый попавшийся подъезд, прижаться к теплой батарее и отогреться. Вроде бы и не зима еще, а уже холодно. Совсем не так, как у них в Краснодаре. Там еще сравнительно тепло и можно было бы ходить без этого дурацкого пальто. И вообще, там намного лучше, чем здесь в Москве. И люди там не такие.

Вспоминая о доме, Ксюша едва сдерживала слезы. Было горько и обидно. Обидно за свои неудачи, которые внезапно свалились на нее. А ведь она многого не просила у судьбы, знала, алчным не везет. Мечтала о простом, обыкновенном человеческом счастье, ну хотя бы о маленькой его частичке. Но все получилось не так. Слишком доверчивой оказалась она. Поверила в любовь с первого взгляда, о которой пишут в книжках да показывают в кино. У нее любовь та оказалась – делом случая. А жизнь – такая штука, которая не терпит случайностей и неудачниц.

Ксения считала себя именно такой. «Дрянь, а не жизнь, – думала она, ругая себя за необдуманное решение. – И зачем я, дура, приехала сюда. Подумаешь, Москва. Ничего-то здесь хорошего нет. И колледж – дерьмовый. Ничему путному в нем не учат. И общежитие – задрипанное. Даже кроватей нормальных закупить не могут. Тараканы по тумбочкам лазают. А по ночам клопы. Вот и все, что здесь есть».

Она прятала слезы в воротник пальто. Не хотелось, чтобы прохожие обращали внимание. Не нужны ей их сочувствующие взгляды. Жалости к себе Ксения не терпела. «Сама выпутаюсь как-нибудь», – утешала она себя, стараясь казаться гордой. Пусть ей тяжело, пусть плохо, но она вытерпит. По крайней мере, постарается. И чтоб не быть ни для кого обузой.

На углу продуктового магазина кругленькая как кубышка старуха, одетая в теплую шубу и валенки, продавала из мешка семечки. Увидев беременную девушку в легком не по сезону пальто, уставилась на нее, кажется на время позабыв про свой товар и не обращая внимания на стайку воробьев, которые воспользовавшись моментом, в наглую воровали семечки из мешка. Кубышка гоняла во рту жвачку и шурила от ветра слезящиеся глазенки.

Ксению эта старуха не понравилась. Ее глаза. Да и вообще. Такие старушечки сноровистые во всем. Такие никогда не делают ошибок, шагу лишнего не ступят и все-то у них получается так, как надо. И смотрит она сейчас на Ксению не с жалостью, а осуждением. Ксения решила не оставаться в долгу. Захотелось наглубить этой бабке, сказать что-нибудь дерзкое, колкое. И Ксения сказала:

– Чего тарацишься, бабка? Сглазишь. Или тоже хочешь такой живот, как у меня? – напустив на лицо улыбку, она отвернулась, потому что было ей сейчас даже очень невесело и уж точно не до улыбок. Да и чего с этой кубышкой говорить? В конце концов, смотреть не запрещается, пусть зыркает, раз ей хочется.

Ксения ожидала услышать в ответ что-нибудь грубое, но вместо этого старуха вдруг протянула ей стакан семечек.

– На. Возьми, дочка.

Ксения хмыкнула. Нашлась тоже благодетельница. Семечками угощает.

– Да иди ты со своими семечками... – сказала старухе и пошла, вдруг испытывая неловкость. Ну чего ради она в самом деле накинута на эту бабу. Ведь она не сделала ей ничего плохого. Ну посмотрела, и что? Себя надо винить во всем, а не кого-то. И уж никак не эту старушку, которая между прочим, не похожа на скрягу.

Рассуждая обо всем этом, Ксения повернула к вестибюлю метро. Там тепло. Сейчас она войдет в вагон, сядет и будет ехать все равно куда, лишь бы не слоняться по холодным улицам, потому что это уже надоело. И пусть все катится кувырком.

Сегодня утром, когда все девчонки ушли в колледж на занятия, в комнату пожаловала комендант общежития, настоящая мегера Тамара Петровна и не стесняясь в выражениях высыпала на Ксению кучу матюгов. Да еще каких. Обзывала, как только могла, и слово – шалашовка, оказалось самым мало оскорбительным во всем ее словесном лексиконе.

Ксения спросонок только хлопала глазами и молчала, стыдливо прикрывая одеялом свой большой живот. Да и что можно сказать в ответ, если Тамара Петровна даже понять ничего не хочет. Для нее главное чистота и порядок в веренном ей хозяйстве и чтобы белье не пропадало. Чужая беда ей не нужна.

– Чтоб сегодня к вечеру духу твоего в нашем общежитие не было. Ты с приказом об отчислении из колледжа ознакомлена?

Ксения промолчала. Приказ директора колледжа ей показали в тот же день, как он появился. Но чего об этом говорить.

– Если нет, пойдем, покажу. У меня в кабинете под стеклом лежит его копия. И если ты еще не поняла, разъясняю: как только учащуюся отчисляют из колледжа, она обязана выселиться из общежития. Беременным тут не место. И я не допущу в общежитие шалмана. Вам дай волю, все с пупками ходить будете, – обличающе заявила коменданша.

Ксения всхлипнула, едва не разревевшись, на что строгая Тамара Петровна не упустила заметить:

– Ты мне сырость тут не разводи.

– Тамара Петровна, ну куда же я пойду? У меня ведь родственников в Москве нет. – Не хотелось быть в роли униженной просительницы, но что делать, раз все так получилось. Красивое личико Ксении сделалось печальным, и слезы заблестели на глазах. Но разве слезами прошибешь неприступную Тамару Петровну. Это ж глыба – не человек. А слезы для нее – признак слабости и не более. Излишняя сентиментальность вредна для формирования характера, считала она. Когда-то прочитала об этом в одной из книг, и запомнила. И теперь не упустила высказать эту мысль в случае с Ксенией.

Комендант Тамара Петровна слабых не любила. Поэтому слезы беременной девушки не вызвали в ней ничего, кроме завихрения неприязненных эмоций. Взглянула она на Ксению так, что девушка поежилась.

– Знаешь, сколько я таких как ты вертихвосток повидала? – спросила она и сама же ответила: – Не пересчитать. Ты когда ноги раздвигала, о чем думала?

Ксения хотела сказать, что в тот момент ей было не до того, чтобы о чем-то думать, но решила не злить коменданшу и лучше отмолчаться. Но Тамара Петровна и без того разошлась.

– Хорошо было? – настойчиво допытывалась она интимных подробностей.

Ксения стыдливо опустила голову, не желая обсуждать как и что у нее было. Да и какой смысл делать это сейчас, когда факт вот он. Это ее беременность.

– Теперь спохватилась, да поздно? – наседала Тамара Петровна и закончила свой разнос безапелляционно: – Собирай свои вещи без разговоров. Ты и так у нас уже неделю живешь незаконно. На занятия в колледж не ходишь. А общежитие у нас для тех, кто учится в колледже. И чужим в нем не место. Ясно тебе?

Чужим! Это слово острой бритвой резануло Ксению по сердцу. Какая же она чужая, если проучилась в колледже уже полтора года.

– Придут из милиции с проверкой, я что за тебя из своего кармана платить штраф буду? А с тебя взятки гладки. Так что, красавица, как говорится, с вещами на выход, – заявила коменданша в категоричной форме и ушла гордая и неприступная, какой была всегда.

Возможно из-за скверного характера мужики обегали Тамару Петровну стороной и потому к сорока пяти годам, семьи у нее не получилось, и по этой причине все свободное время коменданша отдавала девушкам из общежития. Она устраивала всевозможные развлекательные конкурсы, всякие читательские викторины, проводила диспуты на тему нравственности, очень заботясь моральным обликом своих подопечных.

Ксения тоже присутствовала на всех этих мероприятиях. И вдруг такое. Беременность, которую девушка старательно скрывала, пока это было возможно. Потом стало невозможно. И Тамара Петровна посчитала все случившееся с Ксенией личным оскорблением. Ведь она каждой из девушек популярно объясняла, в какой ситуации любая из них может оказаться из-за неосмотрительной близости с парнями. Получилось, что все ее наставления прошли зря.

Тамара Петровна была просто вне себя от злости. Ведь она не считаясь с личным временем старалась, делала работу за воспитательницу Галину Сергеевну, толстую неповоротливую лентяйку, с романтическими чувствами и мечтами, о которых она не скрывала и охотно делилась с девушками. Этой чудачке уже под сорок, а она все надеется встретить красавца мужчину. Ее идеал. Только пока он видно где-то затерялся.

Не раз Тамара Петровна выговаривала воспитательницу за ее мягкость по отношению к девушкам.

– В ежовых рукавицах надо держать этих молоденьких вертихвосток, – не упускала коменданша говорить при каждом удобном случае. Но Галина Сергеевна не прислушивалась к наставлениям коменданши, хотя за моральный облик воспитанниц больше отвечала она, чем Тамара Петровна. И вот результат.

Ее несовершеннолетняя воспитанница Ксения Лиманова оказалась на девятом месяце беременности. Теперь Тамаре Петровне и воспитательнице обеспечено по выговору. Хотя, что касается самой Галины Сергеевны, то она не очень-то переживала из-за этого выговора. Все что выпадало на ее голову, она воспринимала спокойно и с покорностью. И Ксению призвала к этому же.

– Не переживай, Ксюша. Что Бог не дает, все к лучшему, – утешала она Ксению, видя, что девушка переживает потрясение. Отношения между Ксенией и воспитательницей Галиной Сергеевной были доверительными, но даже ей Ксения так и не рассказала, кто отец ее будущего ребенка. В глубине души еще надеялась, может быть Лешка одумается и все у них наладится. Ведь обещал, что женится, клятвы давал. Но какова цена этим его клятвам, Ксения узнала потом.

Несколько раз она приходила к Лешке, надеясь с ним повидаться и поговорить, но его мать не соизволила даже ее впустить через порог. Да и смотрела на Ксению с таким презрением, будто девушка пришла к ним просить милостину. И вот очередная вчерашняя ее попытка увидеть любимого ни к чему хорошему не привела.

– Зачем тебе Алексей? – строго спросила Лешкина мать, после того как Ксения долго и настойчиво звонила в дверь. Может быть, ей не открыли бы вообще, но по настрою девушки стало понятно, просто так она не уйдет. И дверь пришлось открыть.

– Мне надо поговорить с Алексеем, – сказала Ксюша.

– Поговорить? – женщина усмехнулась, оценивающим взглядом окинув Ксению с головы до ног и остановив свой взгляд на ее большом животе. – Что петух жареный клюнул? – произнесла она с насмешкой и тут же добавила с высокомерием: – Алексея дома нет. Уехал он и вернется нескоро.

– А когда? – робко спросила Ксения. Подозревала, что Лешкина мать откровенно врет, хотя надо отдать ей должное, делает она это без запинки и судя по взгляду, без угрызений совести.

– Что когда? – в голосе женщины послышалось раздражение.

– Ну вернется когда? Или он уехал навсегда? – произнесла Ксения это с такой иронией, что Лешкину мать передернуло.

– Когда надо, тогда и вернется, – ответила она довольно резко и не меняя тона продолжила: – И знаешь, ты больше к нам не приходи. Не зачем это. Ты ему не пара, – заявила она Ксении. – Ну посмотри на себя. Нет, конечно, девушка ты красивая. Но мы не знаем твою семью. Кто ты и откуда. И вообще, ты должна понять...

Ксения молчала. Стоять было тяжело. Последнее время она плохо питалась. Денег, чтобы сходить в кафешку и нормально поесть, не было. Приходилось довольствоваться бутербродами, которые ей приносили подруги по комнате из столовки колледжа. От недоедания Ксения ослабла. Да и ребенок последнее время вел себя довольно беспокойно, шевелился. А сейчас, словно услышав разговор с бабушкой, которая не собирается его признавать, повел себя очень даже беспокойно, и Ксения почувствовала его энергичные толчки.

Прислонившись спиной к стене, она с досадой шепотом повторила слова Лешкиной матери:

– Видишь ли, я ему не пара, – и подумала: «Как скверно. Оказывается, прежде чем поверить парню и выслушать его лживые заверения о женитьбе, надо заручиться обещанием родителей».

– А он, между прочим, на мне жениться обещал, если я залечу, – тихо, как будто с опаской проговорила Ксения, приходя к заключению, что ничего путного от этой беседы с Лешкиной матерью не предвидится. Особенно, если судить по выражению ее лица, а точнее глаз. Глаза у нее прямо-таки полезли на лоб от услышанного.

– Что? – возопила Лешкина мать визгливым голосом. – Жениться на тебе?

Ксения печально улыбнулась.

– А что думаете, не гожусь? Думаете, плохая я? Ведь у меня ребенок будет, – произнесено это было с улыбкой, что еще больше не понравилось Лешкиной матери. Она фыркнула, как норовистая лошадка.

– Вот уж нашла чем хвалиться. И вообще, кто знает, с кем ты путалась и от кого этот ребенок. Сейчас такое время, что и из пробирок беременеют.

Сказанное Лешкиной матерью задело самолюбие Ксении. «Все понятно. Свекровью эта баба мне не будет никогда», – подумала Ксюха и решила достойно ответить на оскорбление. Да и чего теперь терять.

– А вы у сынка своего спросите. Уж он-то знает, с кем я путалась. Знает, чья пипирка меня ковыряла. Спросите. Пусть он выйдет сюда и скажет. Хватит прятаться за мамину юбку, – говоря все это, Ксения прекрасно сознавала, что Лешкиной матери не понравится слышать такое. Но так захотелось нагрубить ей. Слишком уж его мамаша вся из себя.

Лешкина мать чуть не задохнулась от злости. Лицо ее сначала покраснело, потом на нем выступили багровые пятна.

– Что? Да ты, оказывается, кроме всего прочего вульгарная особа! Нахалка. Говорить мне такое. А ну, пошла вон отсюда. И не смей больше приходить сюда. Слышишь? Ребенок у нее будет. Знаем мы таких. Черт знает откуда приезжают в Москву, сами на шею вешаются. Квартиру с пропиской захотела? Не дожدهшься! Так и знай, – Лешкина мать помахала перед лицом Ксении указательным пальцем. – Ничего у тебя не выйдет.

– Это мы еще поглядим, – ни о чем таком Ксения не помышляла, но разозлить Лешкину мамашу хотелось. И хорошенько.

– Ах ты нахалка! – разошлась женщина, говорила не громко, но так, чтобы каждое ее слово Ксения обязательно услышала. – Ребенок у нее, видишь ли будет. Это твои проблемы. А нам твой ребенок не нужен. Ты что, не могла аборт сделать? Не захотела, да? Вот и возись с ним сама.

Ксения не ответила и не потому что не хотела или не знала что следует ответить, просто Лешкина мамаша не давала ей рта раскрыть. Все, что она говорила, было произнесено так, будто в случившемся виновата только Ксения и уж никак ни ее сынок. Она напористо перешла в наступление, и отступать или уступать какой-то девчонки пусть и беременной, не собиралась.

– Сколько таких рожают и оставляют детей в роддоме. А эта умная, хочет нам в подоле принести. Здорово получается: Алексей виноват, в том что ты забеременела. Скажи уж, денег захотела содрать с нашего сына. Видишь, парень за себя постоять не может, так ты и наседаешь на него.

Ксения усмехнулась. Ну дает тетка!

– По-моему, у вас неправильное представление о сыночке. Он-то как раз может постоять за себя, – сказала Ксения, ожидая каков будет резонанс.

И он последовал. Тут же, незамедлительно, хотя и предсказуем.

– А ты кто такая, чтобы судить о моем сыне? Пришла с улицы. Здравсьте, я хочу, чтобы он на мне женился? Не выйдет. Лучше уезжай-ка ты отсюда к матери своей. Охмурить Алешу тебе не удастся. Я не позволю. И если ты еще этого не поняла, тем хуже для тебя. Зря время теряешь, девочка. – Женщина перешла на повышенный тон.

Вот он ожидаемый резонанс. Ничего другого услышать и не стоило. И напрасно Ксюша попыталась воззвать негодяя Лешку к сознательности. Ведь с самого начала догадывалась, чем этот ее визит закончится. И какой смысл дальше стоять тут и выслушивать оскорбления.

– Да не ори ты как резанная, – спокойно без эмоционального всплеска произнесла Ксения, и кажется, этим просто взбесила Лешкину мать. На секунду, другую женщина застыла с раскрытым ртом, уставившись на Ксению зверем, потом завопила как будто ее ужалила змея:

– Ты... со мной таким тоном?.. Да как ты смеешь?

– Таким, какой ты заслуживаешь, – сказала ей Ксения ничуть не сожалея за каждое произнесенное слово. Скорее, наоборот, очень хотелось задеть самолюбие Лешкиной матери. Да и пусть это будет ее мстью. Чтоб не очень зарывалась. А то возомнила себя сама не знает кем.

Мсть удалась.

– Ах ты рвань общежитинская. Уходи отсюда немедленно! Я сейчас милицию вызову, и тебя за шиворот выкинут отсюда. Дешевка.

Прозвучало это уже Ксении в спину. Девушка спускалась по ступенькам. Стерпеть очередные оскорбления не получилось.

– Да ты на себя-то посмотри, торфушка с рязанской мордой, – сказала Ксения в отместку и пошла уже больше не оборачиваясь. Смотреть было противно. «Ну и семейка. Урод на уроде», – думала Ксения, всхлипывая от обиды и жалея, что не получилось выкидыша. Как же другим девчонкам везет. Залетят, смотришь, месяца не пройдет и выкидыш. А Ксения, что только не делала, ничего не помогло. Этот ребенок, словно вцепился там в нее ручками.

К негодяю Лешке, Ксения испытывала полное отвращение как к последнему человеку, и ничего больше. Подленьким оказался паренек. «А ведь небось дома сидит, – думала она, спускаясь по лестнице. – Мамаша велела не высовываться, вот он и спрятался хвост поджав. Как малыш под столом. А может и не под столом. Может лежит на диване и таращится в телевизор. Подлец».

Ксения старалась не прислушиваться к тому, что кричала ей вослед Лешкина мамаша и уже больше не отвечала на оскорбления. Она не знала, что после ее ухода с женщиной случилась самая настоящая истерика. Ее пробрала самая настоящая трясучка, какая бывает у очень сильно нервно больных людей. Женщина не находила себе места, бегая по квартире пока окончательно не выбилась из сил. Только тогда она рухнула в кресло и Лешке, дорогому сынку пришлось ее отпаивать корвалолом.

– Ты слышал, – пожаловалась она на Ксению своему сынку, – эта дрянь назвала меня – торфушкой? – Лешкина мамаша захлебывалась от переизбытка злости. Больше всего ее разобрало, как девчонка смогла распознать то, что она тщательно скрывала все эти годы, выдавая себя за коренную москвичку. Ее деревенское происхождение. А эта дрянь пришла и напомнила ей, откуда она родом.

Когда-то молоденькой девочкой приехала она в Москву, нашла себе мужа, пусть намного старше, зато как оказалось с достатком, обеспеченного. Все было в ее жизни и плохое и хорошее, вспоминать не любила. Горюшка хлебнула, что и говорить. Зато теперь имела все, о чем только можно желать. Есть и квартира, и дача и машина. И в деньгах недостатка нет. И чтоб это все досталось какой-то голодранке, залетевшей неизвестно от кого.

– Никогда, – сказала Лешкина мать.

Лешка не перечил матери, не сомневаясь, что она всегда и во всем права и потому не возражал, когда мать в категоричной форме заявила, что ему не следует жениться на этой беременной девушке, да к тому же приезжей. Он и сам не хотел. Да и чего ради? Связывать себя по рукам и ногам, была охота. А таких Ксюш в его жизни будет еще ох как предостаточно. В этом Лешка не сомневался.

– Невеста нашего сына должна стать ему достойной парой. А эта, что она из себя представляет? Красавица. Толку с ее красоты, – вечером за ужином Лешкина мать рассказала мужу о конфликте.

– Эта девушка приходила сюда? – Лешкин отец слегка сконфузился. И жена заметив это, спросила:

– Что с тобой? Чего ты так заволновался?

– Ничего, – муж пожал плечами и даже улыбнулся, чтобы она поверила в то, что ему до этой девчонки дела нет. – Дел много. Устал. Знаешь, это новое назначение... Пока еще толком не могу привыкнуть.

– Привыкнешь, – деловито махнула рукой жена, решив таким образом поддержать супруга и опять вернулась к разговору о беременной девушке, назвав ее пузатой уродиной.

– Ну что ты? – неожиданно возразил супруг, призадумавшись. – По-моему, она все-таки хорошенькая. Я бы даже сказал слишком хорошенькая. Просто красавица, – сказал он и тут же осекся, заметив на себе пристальный взгляд строгой супруги. Все сказанное им не понравилось жене. Она взглянула на мужа такими глазами, словно сейчас и немедленно собиралась его растерзать. Все мужики бабники, в том числе и ее муж. Уж сколько лет ему, а как дойдет до секса, иначе, как извращенцем его не назовешь.

– Ничего в ней такого нет, – категорично заявила Лешкина мать, не оставляя мужу шансов на возражения. – А красота с годами может и угаснуть. Как свеча. Горит, горит, а потом раз и нет ее, – сказала она, давая понять супругу, что тому лучше помолчать и не настраивать сына на глупые мысли. А то ведь надо же до чего додумался, заявил, что, может и в самом деле Лешке стоит жениться на этой девушке.

– Нет, не стоит, – сказала как отрезала мать, тут же объявив, что в жены сыну у нее есть другая девушка из приличной семьи.

Лешка догадывался кого мамаша собиралась навязать ему в жены. В их элитном доме, в соседнем подъезде жил приятель отца. Когда-то они работали вместе. Потом приятель перешел на другую работу и его закинули дипломатом в одну из африканских стран. Лешка не

интересовался куда. Да и зачем забивать голову всякой фигней. А вот его мать, как оказалась, помнила о дружеских отношениях мужа и даже очень интересовалась.

– Мы все устроим, – пообещала мать. – И ты женишься на дочке Михаила Юрьевича, папиного друга.

Лешка вздохнул. Его родичи страстно желают породниться с семьей этого дипломата, а на то, что дочка этого Михаила Юрьевича не красавица матери наплевать.

– С лица воду не пить, – сказала на это мать. – Конечно, она не такая красотка как эта твоя пузатая. Но она и не уродина. А потом не забывай, она из очень обеспеченной семьи. Так что если ты не против, я поговорю с ее родителями. И мы возобновим знакомство. А потом я все устрою. Точнее тебя оболтуса пристрою за их дочь.

– А почему это я оболтус? – перешел Лешка в нападение.

– А кто же ты еще? Тебе уже двадцать семь лет и пора бы устроиться в жизни. А ты учиться не хочешь. Работать тоже, – тут же парировала мать нападки сына. – Так хоть может в браке тебе повезет. И не возражай мне, – заявила сердобольная мамаша.

Хотя Лешка и не пытался возражать. Была охота. Да и вряд ли это чего бы изменило. К тому же, со своей будущей невестой Лешка был хорошо знаком. Как никак жили в одном доме. Девушка, кажется, уже давненько запала на него. Пару раз она привозила Лешку к себе на дачу где они занимались любовью. Хотя настоящей любовью это не назовешь. Просто секс. По крайней мере, Лешка к ней никаких душевных чувств не испытывал.

– Она девочка не бедная. С ней ты будешь как сыр в масле, – брюзжала мать. И было это почти месяц назад, когда Ксюша пришла к ним первый раз, решив познакомиться с Лешкиными родителями.

А теперь вот как все получилось.

– Этот урод прячется от меня за мамину юбку. Но я его все равно достану. Пусть он посмотрит мне в глаза, – решила Ксения, расположившись на скамейке возле соседнего дома. Отсюда был хорошо виден и Лешкин подъезд и окна его квартиры. Вот только неизвестно, сколько ждать придется тут. Но Ксения решила, что не уйдет отсюда, пока не увидит Лешку, даже если ей придется замерзнуть здесь. И пусть тогда ее смерть и не родившегося малыша, будет на его совести.

Но все оказалось не так трагично, как накручивала она себе. И ждать ей слишком долго не пришлось. Хотя может быть часа полтора и прошло. И проходившие мимо люди, особенно из числа проживавших в подъезде, уже стали обращать на сидящую на скамейке беременную девушку внимания, и тут во двор въехали пять иномарок среди которых особенно выделялся сверкающий белизной «Мерседес». И Ксения наконец-то увидела его, того, которого еще недавно так безумно любила и ради него была готова на все. Лешку. Да вот только он даже не посмотрел в ее сторону. Он горделиво, как это обычно делают известные артисты, вылез из машины, но не один. Под руку бережно держал девушку в ослепительно белом свадебном платье.

Ксюша вскочила с лавки. Причем, сделала это настолько резко и неосторожно и почувствовала, как в животе кольнуло точно иглой. Сейчас она даже забыла о будущем ребенке. Думала только о Лешке. И тихонько выкрикнула:

– Леша!

Получилось совсем не громко, но он точно услышал ее. Обернулся и посмотрел. На какой-то миг их взгляды встретились, но это уже ничего не значило и не могло изменить происходящего.

Тут же толпа молодых парней и девушек окружила Лешку с его молодой женой, отгородив от Ксении. Им что-то там говорили. Кто-то выкрикивал поздравительные тосты. Дарили цветы. А Ксюша стояла смотрела и не могла сдержать слез. Особенно, когда Лешка подхва-

тил жену на руки и бережно, как нечто самое сокровенное, понес в раскрытые двери подъезда.

Ксюша отвернулась. Больше не хотела видеть ничего.

Проходившая мимо пожилая женщина, увидев, что девушка плачет, приостановилась и участливо покачав головой, сказала ей:

– Не плачь, милая. Когда-нибудь и у тебя будет счастье.

Ксюша не ответила. И не потому, что не хотела. Просто сейчас было не до того. На душе сделалось так тошно, так противно, что не передать словами, если таковые и найдутся.

Глава 2

Эту ночь, благодаря воспитательнице Галине Сергеевне, коменданша разрешила Ксению переночевать в общежитие.

– Ну в самом деле, не на улице же ночевать беременной девчонке, – как резонный довод привела Галина Сергеевна при разговоре с Тамарой Петровной. – Одну ночь. А завтра я ее отвезу домой.

Комендантша подумала и согласилась, но не упустила предупредить Ксению и девчонок по комнате:

– Смотрите. Если будет вино, я ее сразу же выгоню. – Строгая Тамара Петровна как всегда показала свой характер. Пришла и тщательно проверила все тумбочки, не запаслись ли девчонки горячительными напитками.

Присутствующая при этом воспитательница Галина Сергеевна ничего не сказала. Только вздохнула. Комендантшу она побаивалась и во всем старалась ей уступать. Видя, что девчонки устроили для Ксении прощальный ужин, она не против бы остаться, попить чайку и вообще поболтать о жизни, но Тамара Петровна увела ее.

Когда за коменданшей и толстушкой Галиной Сергеевной закрылась дверь, девчонки уселись за стол. Сам ужин не столько интересовал девчонок. Другое дело Ксения. Не терпелось разузнать, что да как у нее. И потому самая бойкая из подружек кареглазая Зойка, заперев за коменданшей и воспиталкой дверь на ключ, чтоб девчонки из соседних комнат не забегали и не мешали, спросила:

– Ну ты ходила к своему парню?

Подружки, как только узнали, что Ксюша беременна, наперебой принялись давать советы, одним из которых как раз и было, чтобы она не откладывая сходила к своему Алешеньке. Ксюша долго не решалась этого сделать, но когда неприятности вокруг нее закрутились, она пошла.

– Расскажи, как там тебя встретили? – не отставала настырная Зойка.

Девчонки, проживающие вместе с Ксенией в комнате, были все приезжие из разных городов, и поэтому каждая знала, что запросто может оказаться в такой же ситуации. А вот что тогда делать, знали не все. Советы легко давать, когда тебя самой это не касается.

– Расскажи... – стали приставать девчонки, видя, что Ксения мнется.

Ксения с аппетитом уплетала из банки кильку в томатном соусе. И ей не хотелось всех этих разговоров. Особенно сейчас. Поесть бы нормально. Да и чего выставять себя в униженном качестве. Ведь всей правды не скажешь. А врать и рисоваться перед подругами нехорошо. Но видно, придется. И Ксюша прожевав безголовое существо отдаленно напоминавшее кусочки рыбы густо политые томатом, сказала:

– Пришла я, девчонки, к Алешке, ну просто повидаться, поговорить, а его мать стол накрыла, – пробежала Ксения взглядом по столу, на котором лежало несколько бутербродов с дешевой несвежей колбасой, две банки распечатанных консервов, пяток яблок и зачерствелые пирожки с капустой. Все эти скудные запасы подруги позаимствовали из столовки. Теперь глядя на них, фантазии у Ксении стали проявляться как у ресторатора, и чтобы разнообразить содержимое стола, она начала выдавать названия блюд, каких никогда не видела, но о которых читала в журнале. Получалось все довольно складно и никто из подружек не заметил вранья. Причем, говорила Ксения о накрытом для нее столе так смачно, что у подружек потекли слюнки.

Говорила легко, с улыбкой, а самой хотелось не просто плакать, а выть.

– Живут они, конечно, здорово. Обстановка шикарная в квартире по высшему разряду. – Насчет обстановки Ксения не стала вдаваться в подробности по той простой причине, что в мебели не очень-то разбиралась, как впрочем и с электроаппаратурой.

– У них такой огромный телевизор. Плазменный, – бухнула она, заметив, что подруги охотно принимают ее вранье.

– Ксюш, а у его папаши какая машина? – встряла в разговор конопатая, рыжеволосая Наташка. Была она девчонкой завистливой. И сейчас прислушиваясь к тому, что рассказывала Ксения, она не могла спокойно усидеть на стуле, ерзала, накручивая себе, как несправедлива жизнь. Кому-то, как этой Ксении все. И сама она красавица каких свет не видел и вот парня себе подцепила богатенького. А таким, как она – ничего. Ну разве это справедливо.

Есть ли у Лешкиного отца машина, Ксения не знала, но рассудила, что наверняка есть. Ведь его папаша, как говорил про него Лешка, в московском правительстве занимает солидную должность. Одним словом – шишка. А у всех шишек машины есть. Значит и у него.

Ксения решила, что ничего плохого в том, что она еще разок соврет не будет. Да и отступать теперь некуда, если начала.

– Конечно, у него есть машина. Новый «Мерседес», – не моргнув глазом, соврала она, приналегая на бутерброды.

Конопатая Наташка протяжно вздохнула, выдыхая зависть.

– Не слабо, – сказала она, таращась на Ксению задумчивым взглядом.

Кареглазая подруга Зойка тоже о чем-то размышляла сейчас. Сидела молча, забыв о надкусанном пирожке, который держала в руке. Ксюшин рассказ ее тоже пробрал как и рыжеволосую Наташку. Даже обычно веселые хохотушки подруги не разлей вода, Ирка со Светкой, теперь приумолкли и сидели погрузневшие.

Всем этим девчонкам взрослеющим вдали от дома, хотелось обустроить свою жизнь. Каждая из них надеялась, что здесь в столице ей обязательно повезет и в любви и счастье, но пока и то и другое обходило всех их стороной.

– Счастливая ты, Ксения, – не сдержалась конопатая Наташка. – Тебе парень предлагает жениться, а ты не хочешь. Я тут познакомилась с одним. Так он меня трахает, а о свадьбе пока и не намекает, – пожаловалась она подругам.

Ксюха помотала головой.

– Не хочу. Мне восемнадцать только через три месяца будет, а ему уже двадцать семь. Старик, одним словом. Да и разонравился он мне. Раньше нравился. А теперь гляжу, что-то в нем не то. И как скажите на милость, жить с человеком, который не нравится? Видеть каждый день, как он мелькает у тебя перед глазами. Он-то хоть сейчас. Сегодня я пришла к ним, его мать только про свадьбу и разговоры. Надо мол вам пожениться. А я сказала – нет! Зашла, говорю, вот попрощаться. Завтра уезжаю. – Ксения замолчала, и тихонько, чтобы никто из подруг этого не заметил, вздохнула. Настроение испортилось. И такая на душу тоска легла, что и аппетит сразу пропал. И есть теперь уже не хотелось. И вообще, не хотелось ничего. Особенно этого вранья, на которое она была вынуждена пойти, чтобы лишний раз показать свою девичью гордость. Пусть подруги знают, вот она какая. Чтобы просто так не сидеть за столом, Ксения ковыряла вилкой в банке остатки консервов, хотя в рот они уже не лезли.

Подруги молчали, пряча друг от друга грустные взгляды, под впечатлением услышанного.

Спать легли в этот вечер поздно. Девчонки уже заснули, а Ксении не спалось. Волновалась. Ведь даже предположить не могла, что с ней будет завтра. В не зашторенное окно она смотрела на темное небо, на котором почему-то была видна всего лишь одна единственная далекая звезда. Наверное ей было одиноко там. И Ксения сейчас тоже чувствовала себя

одинокой. Вот как эта звезда. Только она на небе, а Ксения тут среди людей, но все равно одна со своими проблемами.

Оттого и тоскливо на душе. Ведь почти два года она прожила тут в этой комнате с девочками. Успела подружиться с каждой. Вместе делили радости, отмечали праздники и дни рождения. А теперь вот получилось, что беду Ксении делить не с кем. И никто в целом свете ей не помощник.

Устав от собственных мыслей, она заснула уже перед самым рассветом.

Утром, когда девочки стали собираться на занятия, в комнату притопала воспитательница Галина Сергеевна и разбудила Ксению. Причем, выражение ее лица было такое, как у приговоренного к ссылке.

– Директриса велела мне отвезти тебя домой к матери, – сказала она и вздохнула, уставившись на Ксению и ожидая ее реакции.

Но Ксюша не отреагировала никак. Молча оделась. Собрала постель.

Видя, что Ксения не прониклась к ней сочувствием, Галина Сергеевна опять вздохнула о своей незавидной роли. Вон сколько девочек в общежитие, и если каждая из них вот так как Ксения будет залетать, что тогда ей, несчастной воспитательнице делать. Каждую развозить по домам?

– Сколько до твоей деревни ехать? Наверное, суток двое? – спросила Галина Сергеевна, не испытывая радости от предстоящей дороги.

– Чуть побольше, – отрывисто произнесла Ксения, покончив с постелью и давая понять, что она готова к отъезду.

– Ох и занесло же тебя, – не поскупилась воспитательница на упрек.

Ксения упрек приняла молча. Да и чего понапрасну болтать.

А вот Галина Сергеевна молчать не могла. На ее кругленьком лице отразилась легкая тревога, умолчать о которой она не могла.

– Помнится, ты говорила, будто от вас там недалеко Чечня? – напомнила она Ксению давний разговор. Хотя напоминать его и не особенно надо было.

– Как раз в пятнадцати километрах от нашей деревни.

– Вот как, – всплеснула руками толстушка воспитательница, уставившись на Ксению. – Так это же совсем близко! – разочарованно произнесла она, уверенная, что вряд ли такое соседство может быть спокойным. И как там только люди живут? Ведь по ночам бандиты не только скот воруют, но и людей. Галина Сергеевна читала в газетах о таком беспределе.

– Значит у вас там беспокойно? – в голосе воспитательницы слышалась настороженность.

Ксения взяла и подлила масла в огонь.

– Ни о каком спокойствии не может идти и речи. Чечены и раньше делали на наше село набеги. Скот воровали. А теперь людей воруют. Остановят автобус, выберут из толпы человек пять поколоритней навроде вас и с собой уведут, – Ксения обвела взглядом толстушку Галину Сергеевну с головы до ног, тем самым давая понять, что если такое случится с ними, то воспитательнице точно не миновать сей участи.

Галина Сергеевна вздрогнула.

– Какие ужасные вещи ты говоришь, – потускневшим голосом произнесла она. Только на Ксению это не подействовало, и отвернувшись к окну, девушка улыбнулась. Потом напустив на себя побольше серьезности, обернулась к Галине Сергеевне и сказала:

– Говорю как есть. Ну, а дальше вам решать. – Прозвучало с прямым намеком, стоит ли воспитательнице ехать.

– Если бы ты знала, как мне не охота ехать, – призналась вдруг Галина Сергеевна. – В такую даль... Да и дел у меня полно...

Ксения не ответила. Видела, воспитательница еще не приняла окончательного решения. Колеблется. А решить она должна сама, стоит ли ей ехать или нет.

Из-под кровати Ксения достала свою сумку, в которой лежало кое-что из одежды. Сумка была нетяжелой и это оказалось очень даже кстати, тащить легче.

Галина Сергеевна взяла сумку у Ксении.

– Легкая, – улыбнулась она.

Ксюша и на этот раз промолчала, мысленно отсчитывая время, когда же эта толстушка решится на главное. Она досчитала до двадцати, когда Галина Сергеевна тихим и как показало самой Ксюше жалостливым голоском заговорила:

– Слушай, а может ты сама доберешься, а? Ну чего мне ехать в такую даль? Потом возвращаться отсюда...

Ксению предложение Галины Сергеевны вполне устраивало. Она сразу повеселела в один миг. Даже улыбнулась. Ну наконец-то, эта толстушка решилась.

– А и в самом деле. Чего вам ехать со мной, когда я вполне могу добраться и сама. Зачем вам скитаться по вокзалам. От нас ведь так легко не уедешь, – начала Ксюша нарочно накручивать, тем самым запугивая впечатлительную Галину Сергеевну еще больше. – Деревня наша километров шестьдесят от города, – соврала она на целую двадцатку.

Услыхав такое, Галина Сергеевна ойкнула, твердо для себя определив не ехать. Да пусть лучше с работы увольняют. Дурочку нашли. А Ксения и сама доедет.

– Конечно, доеду, – пообещала Ксюша.

На душе у Галины Сергеевны полегчало. Хорошо, что Ксюша нормальная девчонка, понятливая и с сочувствием, не как директриса. Вспомнив про нее, толстушка загрустила.

– Что такое? – решила Ксения разузнать в чем дело.

– Да я вот подумала. А вдруг директриса узнает? – выразила беспокойство воспитательница. Но Ксения тут же нашлась, чем утешить ее.

– А как она узнает, если вы не скажите?

– И правда. Разок и соврать можно, – весело подмигнула воспитательница. Хотя Ксения и подозревала, что таких разговоров было не один, не два. Но о своих подозрениях умолчала, лишь бы отвязаться от толстушки, чтоб не мешалась.

А Галина Сергеевна в свою очередь не упустила уточнить.

– Слушай, а ты точно сама доберешься? Ничего?

– Да что я маленькая? Откуда столько недоверия? – Ксения сделала вид, будто все сказанное Галиной Сергеевной задевает ее за живое.

– Ну что ты, Ксюша, – тут же принялась извиняться. – Как раз наоборот. Я тебе очень даже доверяю. И знаешь, все у тебя в жизни будет хорошо. Вот увидишь. Потому что ты человек хороший, добрый. Родишь малыша и почувствуешь себя другим человеком. Вот я в молодости... – хотела было Галина Сергеевна рассказать какую-то свою очередную байку, на которые была мастерица, но Ксения остановила ее.

Застегнув молнию на сумке, она сказала:

– Нам пора на вокзал.

И Галина Сергеевна вспомнив, зачем она тут, согласно кивнула.

– Да. И в самом деле, пора. Пойдем.

Они вышли из комнаты. Ксения заперла дверь на ключ, раздумывая как с ним поступить. Иногда они его клали под коврик у двери. Но на этот раз такой вариант отпадал. Вдруг ключ каким-то образом пропадет, тогда девчонки обидятся на Ксению. Решат, что она забрала его с собой.

– Тогда оставь его у вахтерши, – подсказала воспитательница подходящий вариант. – Она обязательно передаст его девочкам.

Это была дельная мысль, не воспользоваться которой Ксения просто не могла.

– И в самом деле. Чего тут голову ломать? Я так и сделаю.

Когда она подошла к вахтерше в сопровождение воспитательницы, та не удержалась от вопроса.

– Куда ее уводите? – спросила вахтерша.

За воспитательницу ответила Ксения.

– На Колыму отправляют.

Галина Сергеевна хихикнула.

– Ксюша у нас большая шутница, – сказала она.

– Я и вижу, дошутилась, – огрызнулась вахтерша, кивнув на живот Ксении.

– А это уж мое дело, – не осталась в долгу Ксения и выложив ключ, сказала: – Не сочтите за труд, передайте девчонкам из восемнадцатой комнаты.

Вахтерша молча взяла ключ и убрала его в стол.

– Ведь забудет, – шепнула Ксения воспитательнице, топтавшейся возле стола вахтерши.

Вахтерша эти слова услышала и обиделась.

– Я что тебе дура? – гаркнула она Ксению.

В общаге эту тетку не любили за грубость а еще за привычку поорать. Мимо нее просто так не пройдешь, обязательно к чему-нибудь да придерется. То дверью кто-то громко хлопнул, то ноги не вытер. Причин могло быть великое множество. Все зависело от настроения тетки. У этой вахтерши с вечно красным лицом всегда в запасе было несколько придинок, которые она пускала в ход против девушек. Наверное, и против Ксении сейчас кое-что сказала бы, если б не Галина Сергеевна.

Воспитательница сделала вахтерше замечание.

– Как вам не стыдно кричать на беременную девушку, – возмутилась Галина Сергеевна и их диалог с вахтершей чуть не перерос в скандал, но вмешалась Ксения.

– Галина Сергеевна, так я опоздаю на поезд, – сказала она, и не столько в самом деле беспокоилась о своем опоздании, сколько чтоб этот скандал не услышала коменданша. Ее кабинет тут недалеко. Услышит, придет, и тогда неизвестно чем все обернется. И вполне может получиться так, что Галине Сергеевне тогда придется сопровождать Ксению до самого дома.

– Да, да. Мы уже уходим, – засуетилась воспитательница и поспешила следом за Ксенией к выходу, сопровождаемая резкими замечаниями красномордой вахтерши. Оказалось, у нее и для Галины Сергеевны нашлось, что сказать.

Глава 3

– Ксюша, я могу на тебя надеяться, что все будет хорошо и ты доберешься до дома без приключений? – спросила воспитательница, когда они уже были на вокзале. Ей хотелось окончательно избавиться от сомнений. И кто как не Ксения может помочь в этом.

Поезд стоял возле перрона, и Галина Сергеевна повела Ксению к ее вагону.

– Конечно, можете, – успокоила Ксения чересчур волнительную воспитательницу, общение с которой уже честно говоря, надоело. Сколько можно об одном и том же? Всю дорогу пока ехали на вокзал она только и делала, что зудела над ухом свои наставления, как и что надо делать в исключительных ситуациях если таковые случаться. Невдомек ей, что Ксении, этот инструктаж надоел до чертиков. Уши вянут все это слушать. Так она и теперь перед отправкой поезда не перестает.

– Дорогой смотри, будь повнимательней, и не проехай свою станцию. Вот возьми деньги на дорогу, – достала Галина Сергеевна из кошелька полторы тысячи рублей и передала их Ксении. – Спрячь подальше, чтоб не вытащили. А это вот билет на поезд. И пожалуйста, не волнуйся ни о чем.

Ксения тихонько застонала. И как только у этой толстушки язык не устанет болтать столько ненужного. Успокаивает, чтоб Ксения не волновалась. Подумала бы, чего ей волноваться. Как раз она-то спокойно себя чувствует, а вот Галина Сергеевна, похоже, нет. Суется понапрасну и нервничает, даже ручонки подрагивают. Делает вид, будто переживает за Ксению, а на самом деле за себя. Ведь если директриса колледжа узнает, что она не поехала, выгонит с работы. Вот и трясется толстушка. Но терпеть Ксении недолго осталось, скоро все, они распрощаются и зудеть будет некому. Ксении хотелось, чтобы Галина Сергеевна поскорее ушла. Она попыталась выпроводить толстушку до отхода поезда, но та отказалась проявив настойчивость, заявив, что у них еще есть время поговорить об очень важном. Это означало, что воспиталка высказала не все и Ксении предстоит еще послушать ее нравоучения. «Во достала тетка», – подумала девушка, глянула на часы и усмехнулась. Ну почему так медленно ползут эти последние минуты.

Галине Сергеевне показалось, будто Ксения насмехается над чем-то сказанным ею, хотя вроде бы повода для насмешек нет и говорит она об очень серьезных вещах.

– Ты чего, Ксюша? – спросила она.

– Да это я так. Со мной иногда бывает. Не обращайтесь внимания.

– А...а, – с подозрительной гримасой на лице протянула воспитательница и перешла к тому, что ее особенно заботило больше всего. – Как приедешь, сразу дай мне телеграмму. Только смотри не в училище, а на мой домашний адрес. Я его тебе тут написала, – сунула она в руку Ксении клочок бумажки с адресом. – Там и мой домашний телефон. Можешь позвонить, если не захочешь телеграмму давать. Но сообщи обязательно, как ты и что. Поняла? Я буду ждать.

Ксюша кивнула и вошла в вагон. Услышала, как Галина Сергеевна о чем-то разговаривает с проводницей, такой же пухлой кубышкой как и она сама. Только ростом та была поменьше, оттого наверное и казалась еще толще.

– Ну вот. Можешь ехать и не беспокоиться, – радостно заключила Галина Сергеевна, усаживаясь рядом с Ксенией. – Я попросила проводницу. Она присмотрит за тобой и напомнит тебе, где выходить.

Вагон качнулся. Кажется, наступал ожидаемый Ксенией момент расставания, чего не скажешь про воспитательницу. Та наверняка бы еще поторчала тут, доставая своей болтовней. Ну да вынуждена уйти, и проводница бодрым голосом хозяйки, гаркнула, чтобы все провожающие покинули вагон.

– Ну, до свидания, Ксюша, – сказала Галина Сергеевна, растроганно. – Ты извини, если что... – она не договорила, и Ксения заметила как у воспитательницы от влаги заблестели глаза.

– Галина Сергеевна, спасибо вам за заботу. Я обязательно вам дам знать, как мы с вами договорились. Не волнуйтесь, – пообещала Ксения, желая успокоить толстушку. Ведь поди ночи спать не будет в ожидании телеграммы.

Толстая и оттого не очень поворотливая Галина Сергеевна кивнула и улыбнулась.

– Глупенькая, это тебе надо волноваться. Я что, – сказала она о себе как о чем-то прошедшем. – А вот тебе еще жить да жить. Прощай, – она наклонилась и своими толстыми большими губами чмокнула Ксению в щеку. Ее полное, некрасивое лицо сделалось неподдельно печальным. И даже улыбка не могла скрыть этой печали.

– Счастливо тебе, – сказала воспитательница и кивнув, ушла из вагона.

В окно Ксения видела, как толстая, похожая на косолапую медведицу женщина, шла по перрону низко опустив голову. И Ксению показалось, что Галина Сергеевна плачет. А голову наклонила, потому что не хочет, чтобы кто-то из посторонних увидел ее слезы.

И Ксении вдруг захотелось выскочить из вагона, окликнуть ее и прислонившись к ее теплой груди, сказать напоследок что-нибудь ласковое и доброе, чтобы навсегда запомнилось обоим. Но вагон медленно покатился вдоль перрона и Галина Сергеевна стала удаляться.

Ксения смотрела в окно. Поезд еще шел медленно, но чем дальше он удалялся от вокзала, тем больше набирал скорость. Припозднившиеся пассажиры, рассаживаясь по своим местам, еще толпились в проходе. Ксения схватила свою сумку и расталкивая всех кто попался на ее пути, быстро направилась к выходу. На нее ругались, даже оскорбляли, но она не обращала на это внимания и на грубость не отвечала.

Проводница еще не закрыла дверь, стояла в тамбуре с сигаретой во рту и равнодушным взглядом смотрела как удаляется вокзал, а вместе с ним и суeta провожающих. Они остаются в холодной промозглой Москве, а она отправляется туда, где тепло и солнце светит чуть ли не круглые сутки. Вернувшись домой, у нее будет целая неделя понежиться на пляже.

Появившаяся Ксения оборвала все ее мечты. Проводница на девушку глянула строго, и чего этой пузатой малолетке не сидится.

– Ты чего? Не стой здесь. Проходи в вагон, – сказала она Ксении, еще не понимая того, что задумала беременная девушка.

– Отойди, – Ксения попыталась пройти к незакрытой наружной двери, но проводница загородила своим пышным телом проход.

– Ты это чего удумала? – заволновалась она, когда наконец сообразила, зачем девушка тут с сумкой. Бывает, некоторым не терпится перекурить, но только не ей.

– Да отойди ты, – Ксения толкнула проводницу, но не сильно, и та даже не сдвинулась с места.

– Сдурела? – завизжала проводница, вцепившись в рукав пальто Ксении. – Разбиться хочешь? Чокнутая. Себя не жалеешь, так хоть ребенка пожалей. Иди в вагон. Тебе где надо выходить. Вот там и выйдешь. Я из-за тебя в тюрьму садиться не хочу. А будешь хулиганить, я начальника поезда вызову. В милицию тебя сдадим.

– Лучше уйди, – не обращая внимания на все стенания проводницы, Ксения со всей силы пихнула ее, и проводница отскочила в сторону с прохода.

Ксения шагнула к подножке. Увидев это, проводница побледнела.

– Что ты делаешь? Дура! Не прыгай. Убьешься. Постой, – закричала она, вставая с пола.

Поезд набирал скорость, и Ксения понимала, что сильно рискует. Во-первых, прыгать с поезда да еще беременной, это уже риск. А, во-вторых, прыгнуть можно неудачно и пото-

ком воздуха затянет под колеса. Но она решила не отступать, и улучшив момент, когда вагон проехал бетонный столб с включенным зеленым фонарем на нем, не теряя времени прыгнула, стараясь оттолкнуться подальше от вагона.

Она упала в большой сугроб и почувствовала как ребенок интенсивно зашевелился. Подумала: «Господи, только бы не родить прямо здесь в сугробе. Тут ведь даже помощь оказать некому». Теперь уже ей и самой было страшно за свой поступок. Ведь подобное безрассудство не всегда оправдано. И если б довелось повторить, она бы точно не сделала этого.

Хорошо, что все обошлось. Она поднялась и улыбнувшись проводнице, помахала рукой.

Сперва опешившая проводница хотела было остановить поезд, но увидев, что Ксения не разбилась, не попала под колеса, передумала. Но не смогла сдержаться, чтобы не обругать эту ненормальную.

– Чокнутая ты! Дура! – крикнула она напоследок, вкладывая в эти слова все свое возмущение и не стала слушать, что ответит девчонка, закрыла дверь.

– Тебе видней, – сказала Ксения в ответ и рассмеялась. Смех пробрал, когда вспомнила недавнюю толкотню с проводницей. Вот было б здорово, если б они обе оказались в сугробе. Как бы потом проводница догоняла свой вагон.

Поезд уехал, дав прощальный гудок. Вряд ли было традицией извещать о своем отъезде, Хотя может быть. Ксения этого не знала. Да и думала сейчас о другом. Она стояла возле путей и совершенно не знала, куда ей теперь идти. И хотя Москва город огромный, но для нее он чужой. И Ксения здесь чужая. И никому-то она здесь не нужна со своими проблемами.

А с другой стороны, на что она могла рассчитывать? Провинциалка. На жалость чужих людей. Да таких как она, здесь тысячи, и жалеть их никто не собирается.

– Ладно. Мы еще посмотрим, – проговорила она решительно. Пусть все будет так, как ляжет судьба. Главное не унывать, не впадать в отчаянье. В конце концов, ее сюда никто не гнал. Наоборот, мать как могла отговаривала. Но Ксюша не послушалась. В глубине души надеялась, что вот она приедет, молодая красивая и ей обязательно повезет. Но с ходу поступить в театральный не получилось. И чтобы не возвращаться обратно, Ксения пошла в колледж.

– Я выкарабкаюсь, – старалась настроить она себя на оптимизм. Раскисать сейчас нельзя, даже в малом. И топтаться на месте. Так какой смысл ей стоять тут возле железнодорожных путей? Для начала надо вернуться на вокзал. Отряхнув от снега сумку, Ксения не торопясь пошла по шпалам туда, откуда пять минут назад ее увез поезд.

Настроение было, хуже некуда. Да и с чего оно будет хорошим. Ведь ночевать теперь ей негде. И с деньгами не густо. К тем полторым тысячам рублей, что дала на дорогу добрейшая Галина Сергеевна у Ксении были еще четыре штуки своих. Но на долго ли всех этих денег хватит даже если расходовать по минимуму? Кто бы ответил. Сама Ксения не знала. А питаться надо, причем за двоих.

Пока Ксения решила временно разместиться на вокзале. Хотя пускать ее в зал ожидания и не хотели. Пришлось соврать, сказать, что она по нечаянности опоздала на поезд. Ксения показала билет на только что ушедший поезд, и ее пожалели и впустили. Выбрав свободное местечко, Ксения села на скамейку, испытывая необычайное облегчение. Столько времени на ногах. Если б не пустили в зал, села бы прямо на пол у входа, как таджичка с ребенком. Та просила подавание, а Ксении просто бы посидеть.

На соседней скамейке, бойкая старушенция в норковой шубе и массивными золотыми сережками в ушах, что-то нашептывала мордастому парню лет тридцати. Как Ксения поняла, ее внуку, от которого довольно хорошо перло коньячным перегаром. Ее наставления каса-

лись какой-то женщины. Чем та особа вызывала недовольство у старушенции, Ксения не знала да и не хотела знать. Своих проблем выше крыше.

Да и внуку как видно, наставления въедливой бабуси надоели. Хотя он и кивал головой, делая вид, будто внимательно и с пониманием слушает старушенцию, но наверняка думал сейчас о другом. Он таращился по сторонам и с интересом поглядывал на Ксению.

Чтобы не встречаться с ним взглядом, Ксения отвернулась. Пусть он зыркает на свою бабуся. Чувствуется, старушка еще та пройдоха, считает себя всезнайкой, и во всем-то она разбирается. Может она учительница и привыкла поучать своих учеников. Но сейчас от нее доставалось внуку.

Ксения заскучала. Назойливая болтовня старушенции порядком поднадоела. И почему так бывает, что находятся такие, которые любят кого-нибудь поучать, считая наверное, себя умнее. Ксения таких не долюбивала.

Глянув в сторону, девушка обратила внимание на сидящего на другом конце этой же скамейки мужчину в дубленке. Пока отвлеклась на старуху и ее внука и не заметила, когда этот тип подсел. Но что-то ей подсказывало, что подсел он не просто так. Наверное, его выражение лица. И глаза. Хитрющие такие. Встретившись взглядом с Ксенией он слащаво заулыбался.

Ксении его улыбка не понравилась. Но еще больше не понравился его взгляд. Было в нем что-то неприятное.

«Во, вперился», – подумала Ксения, отворачиваясь и, надеясь, что тому типу надоеет на нее таращиться. Но ему не надоело и он продолжал настырно обшаривать ее глазами.

Делая вид, что не обращает на него внимания, Ксения искоса увидела, как тот в дубленке встал со своего места и подойдя, вдруг плюхнулся на свободное место рядом с ней. Видно от нахальства он не страдал, наверное потому и не спросил, не возражает ли Ксения. Хотя судя по его роже, даже если бы она и возражала, вряд ли бы что-то изменилось. Видно он еще тот фрукт и такие легкие знакомства для него привычное дело. Он поводил глазами по сторонам, словно лишний раз проверяя, одна ли девушка тут. Потом заговорил.

– Спорим, тебе некуда идти? – сказал он с насмешкой, без стеснения рассматривая черты лица красивой девушки.

Какие мысли обуревали этого типа сейчас, Ксения не знала, но она так глянула на него, что другой нормальный человек сразу бы все понял и отошел. Но этот приставала остался. Более того, он с самодовольством ухмыльнулся, как бы предоставляя девушке простор для нелестной характеристики об нем. При этом его взгляд говорил: хочешь так посмотри, а хочешь эдак, только я все равно не уйду.

– Меня Артуром зовут, – зачем-то представился тип, хотя Ксении было абсолютно наплевать кто он и как его звать.

Холодно взглянув в его коричневые глаза, она сказала:

– А хоть Ванька, или Петька. Мне-то что, – и тут же спросила: – Вам что, делать нечего? Подходите. Лезете с разговорами?

Это ее замечание вызвало у Артура еще большею улыбку.

– А тебе? Тебе есть что делать? Только не надо врать, что ты дожидаясь поезда. По твоим глазам видно, что ты никуда не торопишься. Стала бы ты тут столько времени торчать.

Ксения вздохнула. Как неприятно сознавать, но этот тип прав. Ей теперь некуда торопиться. И вообще...

– Отстаньте от меня, – предложила Ксения типу альтернативный вариант, который по ее мнению должен был устроить их обоих, хотя и с условием, что этот Артур нормальный человек с понятием.

Но, наверное, он не подходил под такие критерии. По крайней мере, отсаживаться на другую скамейку он судя по всему не собирался. Спросил:

– Ну и как ты теперь жить собираешься?

Ксения удивленно вытаращила глаза. Ну дела. Чего ради она должна исповедоваться перед каждым встречным. Даже почувствовала себя немного оскорбленной. Впечатление такое, словно этот тип с именем Артур узнал про все ее неудачи и набравшись наглости безжалостно лез в душу.

– Послушайте... Какое вам дело до моих проблем? Вам что действительно нечего делать? – ответила Ксения нарочно грубо.

Но на Артура ее грубость не произвела впечатления. Кажется этот тип привык и не к такому. И тогда Ксения сама решила отсесть от приставапы подальше.

Артур, кажется, догадавшись об этом, поспешил сказать миролюбивым тоном:

– Да ты не сердись. Я ведь не просто так...

Ксения не перестала удивляться.

– Не просто так? – переспросила она.

Приставала согласно кивнул и сказал:

– Нет. Я подумал, что может быть смогу тебе помочь.

Ксения глянула на приставапу оценивающим взглядом. За кого он себя выдает. И какой смысл ему перед ней рисоваться. И она глядя приставапе в лицо рассмеялась, заметив, что это ему явно не нравится. А Ксении наоборот. Захотелось поиграть на его самолюбие. Тоже нашелся добрый дядя, готовый пожалеть ее и видишь ли помочь.

Наверное, рассмеялась она слишком громко, потому что старуха замолчала, перестала говорить. И они вместе с внуком уставились на Ксению и приставапу Артура. Им уже стало не до своих проблем. Теперь они наострили уши в ожидании чего-то интересного.

Артур нахмурился, посчитав себя оскорбленным, с недовольством глянул на старуху и ее внука. И сказал Ксении:

– Между прочим, ты зря смеешься. У меня есть и где жить, и работа для тебя найдется подходящая. На памперсы для ребенка всегда заработаешь да еще кое-что останется. Так что подумай. А если ты рассчитываешь, что государство тебя обеспечивать будет, то горько ошибаешься. Не нужна ты никому здесь.

С этим Ксения могла бы и не спорить. Уже кое-что ей довелось испытать на себе. Только чего об этом плакаться да еще такому типу как этот Артур. Первый встречный. Думать над его предложением Ксения даже и не собиралась. С самого начала знала, что ничего интересного не услышит. Теперь решила во что бы то ни стало отшить этого доброхота, сказала:

– Слушай, отвали а! Достал уже. Ты что не понимаешь, я не хочу с тобой разговаривать.

На этот раз Артур вспылел. Фыркнул с обидой.

– Подумаешь цаца. Да я могу и уйти. Только ты запомни, никто тебе здесь руку помощи не протянет. У тебя ведь нет ни прописки, ни жилья. Шлюхой будешь вокзальной. А тут таких полно. За бутылку пива драть тебя будут. Или в ментовке сгноят, если станешь артачиться. Вон тот сержант, – показал Артур на постового милиционера, – уже приглядывается к тебе. Так что смотри. И запомни, Артур долго уговаривать не любит. К Артуру бабы сами бегут.

– Отстань, – огрызнулась Ксения, не оставляя надежды все-таки отогнать нахала, с которым и говорить-то неохота. – О прописке моей он заботится. Какой чуткий и внимательный дядя. Посмотрите на него, – при этом Ксения посмотрела не на приставапу, а на сидящих напротив старуху с внуком.

Старушечка кажется забыла, о чем вообще пару минут назад говорила внуку, сидела с раскрытым ртом, чтобы не пропустить ни слова из произнесенного беременной девушкой и подсевшего к ней мужика.

– Дура! Мне твоя прописка не нужна. Это тебе она нужна. А я между прочим, тебе могу и с пропиской помочь. И чего ты разошлась-то? Я ведь тебе дело предлагаю. – Артур хотел сказать еще что-то, но тут же замолчал.

Видя, что Ксения вот-вот расплчется, сидящий со старухой парень, не выдержал. Поднялся. Был он на две головы выше приставалы и в плечах не такой. Настоящий богатырь.

– Тебе, фраерок, чего надо от девчонки? – только и успел произнести он и для верности сжал здоровенный кулачище, который поднес к мордашке Артура.

Тип в дубленке не стал лезть на рожон и ни слова не говоря в ответ, поспешил исчезнуть. А Ксюшин заступник не на шутку разошелся, не оставляя намерения расквасить Артура физиономию.

– Еще подойдет, козел, я ему рыло расплющу, – показал он свой огромный кулачище, размером едва ли не с Ксюшину голову. – Пусть еще раз отсижу, но прибью гада!

Честно говоря, Ксению хотелось, чтобы этот вступившийся за нее амбал хорошенько отделал приставалу. Была бы тому хорошая наука, чтобы вот так не цеплялся к посторонним девушкам. Да и приятно, когда за тебя вот так готов горой постоять незнакомый человек. И пусть после этого говорят, что хороших людей нет. Есть. И Ксения в этом только что убедилась. Если б не заступник, не известно чем вообще закончилось бы общение с приставалой.

– Сашка, ты что? – испугалась старушенция за парня и дергая того за рукав кожаной куртки, принялась отговаривать его от затеи с избиением, отдавая предпочтение принципу: не в свое дело лучше не встревай.

– А может это мое дело, – не унимался парень, так ему Артур был неприятен. – Жилье у него есть. Работа, – начал он перечислять. – Тоже мне делец благодетель. Видали мы таких. Может она ко мне жить пойдет, – произнес он с улыбкой, скорее всего тем самым решив поиграть старухе на нервах, и подмигнул Ксении.

Ксения приняла его шутку. Тоже улыбнулась. Внук был нормальным парнем с чувством юмора. А вот старушенция нет. Испуганно запричитала:

– Что ты, Саша. На что она тебе пузатая, – зашептала она парню на ухо, но так, что все сказанное Ксения прекрасно могла слышать и не только она, а и другие люди, сидящие на лавке. – Гляди, у нее пузо лопается, ни сегодня завтра рожать.

– Зато она красивая. Вон какая, – не сдержался парень на похвалу, а старушенция осуждающе покачала головой.

– Спятил? Чужого ребенка растить хочешь. Найдешь себе еще бабу получше. Да за тебя любая девка пойдет. Вон ты какой статный.

Парень рассмеялся. Видно ему нравилось издеваться над бабусей. Но больше поговорить об Артурке и Ксении ему не пришлось.

Старуха взглянула на часы.

– Ой, что ж мы сидим. Нам ведь на поезд пора, – вскочила она с лавки, лихо подхватив здоровенную сумищу. – Идем скорей, а то опоздаем.

– Удачи тебе, – сказал парень Ксении на прощанье.

Ксения улыбнулась.

– И тебе.

Они ушли. Артур стоял возле угла кассы, в которой продавались билеты на поезд и оттуда наблюдал за Ксенией. Но стоял он не один.

– Вон она сучка пузатая, – указал он на Ксению худенькой невысокого роста женщине, фигурой похожей на пацана. Одета она была в старые потертые джинсы и черную куртку с меховым воротником. И в спортивной шапочке.

– На скамейке сидит. Видишь?

Женщина кивнула.

– Вижу.

– Надо ее проучить. Пусть знает, что никуда от меня не денется.

– Артур?!.

Артур с недовольством глянул на женщину.

– Ну чего еще?

– Но она ведь беременная. Может, не надо? – спросила женщина, и в голосе ее послышалась жалость. Но переубедить Артура ей не удалось.

– Это не твое дело. Поняла? – сказал он грубо. – Ни тебе решать. Раз я сказал, значит, так надо. Так что иди. Обработай ее, – приказал он женщине, и та растворилась в толпе.

Глава 4

Предстоящую ночь Ксения намеревалась провести тут же на вокзале в зале ожидания на лавке. И хотя на ней жестко и не удобно, но это все равно лучше, чем бродить по городу изредка спускаясь в переходы чтобы чуть обогреться. А еще там есть шанс нарваться не только на милиционеров, но и совсем на другую публику. От таких только и держись подальше. Красивых девушек, пусть даже беременных, они любят.

На соседней скамейке, на том самом месте где сидела старушенция с внуком, теперь разместилась женщина с небольшим пухлым мальчуганом лет семи, который никак не хотел есть бутерброды с копченой колбасой. Его заботливая мамаша, силком впихивала их своему отпрыску в рот. А тот отбрыкивался как мог.

Вокруг метра на три стоял запах этой колбасы, что Ксению захотелось, подойти и вырвать у толстячка хотя бы один бутерброд и съесть его. Проглотила бы наверное не жуя. Вот если бы она оказалась на месте этого непослушного мальчишки. Уж ее-то точно уговаривать бы не пришлось.

Больше сидеть и глотать слюнки Ксения не могла. Оставив сумку на скамейке, чтобы не заняли ее место, и попросив женщину приглядеть, она пошла к ларьку, где продавались пирожки и вкусные булочки и кофе. Стаканчик горячего кофе сейчас бы даже очень не помешал.

Ксения встала в очередь. На крутившуюся рядом худенькую женщину в черной куртке и джинсах, похожую на паренька, наверное, и вовсе бы не обратила внимания, если бы та не толкнула Ксению. Как будто нечаянно.

– Эй, нельзя ли поосторожней, – сказала ей Ксения, взглядываясь в черты лица, которые та старательно прятала, надвинув спортивную шапочку низко на глаза.

– Извини, – ответила женщина хриловатым, пропитым прокуренным голосом и отошла так ничего и не купив.

«Странная какая-то особа, – подумала про нее Ксения, но тут же ее мысли были направлены на другое. – Возьму пирожков штук пять. Сил нет, как есть хочется. И ребенок что-то ведет себя беспокойно. Наверное, тоже есть хочет. Ну ничего малыш, потерпи. Сейчас мамочка тебя накормит».

– Мне пирожков вот этих, – указала Ксения на пирожки с мясом. – И пару стаканчиков кофе, – сказала она продавщице, когда подошла ее очередь. И полезла в карман пальто за деньгами, чтобы расплатиться, но обнаружила, что денег там нет. Вместе с ними исчез и ее паспорт.

Продавщица терпеливо дожидалась, пока Ксения пошарит в карманах. В одном, потом в другом. Но это ничего не меняло. Деньги исчезли. И Ксения подозревала, кто это мог сделать.

– Женщина в черной куртке. Только что... Она обворовала меня, – всхлипнула она и слезы градом покатились по щекам. И успокоить ее было некому, потому что у каждого свои заботы и проблемы. Хотя кто-то в очереди и выражал сочувствие, но это скорей так для видимости. Никто не бросился и пальцем не пошевелил, чтобы отыскать воровку.

– Она вытащила у меня все деньги и паспорт, – говорила Ксения продавщице, словно от нее зависело, вернет ли воровка украденное или оставит себе. На лице продавщицы не отразилось никаких эмоций, в отличие от тех, кто стоял позади Ксению в очереди. Кто-то посочувствовал беременной девушки. Но нашлись и такие, кто осуждал Ксению за нерасторопность, говоря, что ей самой надо было проявить побольше внимания.

Одна сердобольная гражданка даже готова была подтвердить, что якобы видела, как шуплая бабенка в грязной куртке не зря крутилась возле Ксении. Пока девушка отвлеклась, она запустила руку к ней в карман.

– Чего ж ты ее за эту руку не схватила? – полушуткой спросил мужчина стоявший в конце очереди. Но гражданка ответила серьезно:

– А чего я буду хватать? Пусть милиция хватает. Воровка эта здесь, наверняка, не одна лазает по вокзалу. Сунут ножик в бок и все. Поминай как звали. Они никого и ничего не боятся. Это их все боятся, – заключила она с деловым видом. Ничего утешительного для себя в том, что было сказано, Ксения не услышала. И расплакалась. Да и было отчего, ведь теперь она осталась без денег, без документов. И это в ее-то положении. Ну как тут не расплакаться. И слезы по ее щекам покатались просто-таки градом.

Видя ее беспомощность, продавщица решила помочь. Хотя бы советом.

– Знаешь, слезами тут не поможешь. Можно плакать, сколько захочется, но от этого ничего не изменится. Ты лучше скорей в милицию иди, – подсказала она. – Я тут давно работаю и знаю, что говорю. Милиционеры тут этих всех воровок в лицо знают. Стоять и вот так реветь, только время терять.

Ксения спохватилась. А и правду. Чего это она в самом деле? Все равно никто из очереди не побежит искать воровку. Да и не найдет. И правильно говорит продавщица: надо пойти и написать заявление, все как полагается.

Выяснив, где дежурный пункт милиции, Ксения пошла туда.

– Выпейте девушка воды и успокойтесь, – лейтенант, к которому Ксения обратилась за помощью, внимательно выслушал ее, и предложил стакан воды, видно посчитав служебный долг отчасти выполненным. Хотя может Ксения уж слишком неважнецки подумала о нем. Но как по другому ей думать. Она чуть ли не целый час, подробно расписывала как и что с ней произошло, но особого рвения незамедлительно пуститься на поиски воровки на лице лейтенанта так и не заметила. А скорее, скуку. Словно перед ней тут прошло точно таких обворованных дурах не меньше полтора десятка.

– Выпейте, – лейтенант оказался не жадным и поставил перед Ксенией не только стакан, но и графин с водой.

Ксения взяла стакан. Кофе выпить с булочкой у нее не получилось, а бесплатно она может рассчитывать только на этот стакан воды. Она поднесла стакан к губам и поморщившись, поставила на стол. Видно буквально перед ее приходом из этого стакана пили уж точно не воду, а водку. И даже не соизволили ополоснуть его.

– Спасибо. Я так успокоюсь, – сказала она лейтенанту.

– Ну как хотите, – пожал плечами тот. Лейтенант был уже не молодой. На Ксению он смотрел усталыми глазами, внимательно слушая все, о чем она говорила и сочувственно кивал. У него у самого была дочь, примерно такого же возраста как и эта девушка. И лейтенанту очень не хотелось, чтобы она когда-нибудь оказалась в такой же ситуации.

– Говорите, она украла у вас все деньги? – переспросил он, подробно записывая приметы предполагаемой воровки.

– Все, – кивнула Ксения. – И паспорт тоже.

– Понятно. Да вы не волнуйтесь так. Вам вредно волноваться. Мы примем все необходимые меры к розыску воровки. Хотя, – вздохнул служака лейтенант, – если честно, шансы найти ее не так уж велики. Эти воровки не местные. Появятся тут, обчистят кого-нибудь и уезжают. И ищи их как ветра в поле. Да и вы ведь не видели, как она залезла к вам в карман? – начал давить он на нерасторопность.

Слушая его размазанную речь, Ксения вдруг догадалась, что этот служака хоть и сочувствует ей, но явно пытается уговорить, чтобы она отказалась от своего заявления. Сколько

их тут таких дур. Они приезжают и уезжают. А бумага с написанным на ней заявлением остается, и по ней надо проводить определенную работу. А этих карманников в последнее время развелось, как грибов после дождя. И потому служака лейтенант не сомневался в безнадёжности дела. Вот только прямо об этом говорить заявительнице не будешь. Здесь надо по другому. Надо нащупать ее слабое место, чуть-чуть надавить и тогда она точно уж не захочет подавать заявление. Опыта у лейтенанта в подобных делах было с избытком.

– Ну да, я не видела, как она залезла в мой карман, – призналась Ксения.

Служака лейтенант на это разочарованно кивнул.

– Вот. Вы подтверждаете, что не видели. Иными словами, получается, доказательство в краже отсутствует, – указал он на выдержку из уголовного кодекса. Причем, говорил все это лейтенант так, что Ксения уж и сама засомневалась. А вдруг она наговаривает на ту женщину. А ведь это большой грех.

– Но она стояла, плотно прижималась ко мне. И толкнула... А потом ушла. Я полезла в карман, а денег там нет...

Лейтенант махнул рукой, чтобы Ксения не продолжала. Ведь все это он уже только что слышал, а стало быть, какой смысл пересказывать.

– То, что она к вам прижалась и толкнула, это еще ничего не значит, – возразил лейтенант.

– А что значит? – спросила Ксения.

– Свидетели. Нужно хотя бы, чтобы кто-нибудь подтвердил, как она залезла к вам в карман. Поймите меня правильно. Даже если мы ее найдем, эту самую женщину. Как мы докажем, что она украла у вас деньги? Вы что помните номера купюр?

Ксения отрицательно помотала головой.

– Вот видите – прозвучало как будто с упреком и тут же последовало не вполне приятное для Ксении дополнение: – А паспорт ваш она, скорее всего, выкинет...

Ксения глянула на лейтенанта испуганно. А тот в свою очередь кивнул, говоря:

– Да, да. Ну посудите сами, зачем он ей?

Ксения не ответила. Она и сама не понимала, зачем было воровать ее паспорт. Ну ладно деньги. Они даже очень могут пригодиться. А кому может пригодиться ее паспорт, в котором нет московской прописки. Временная прописка закончилась, а больше ее в общежитие комендант прописывать не стала, после приказа об отчислении.

– И что же мне теперь делать? – спросила Ксения. Ее охватило отчаянье. Да и противно до смешного, оказывается и менты не могут ей помочь.

– Если все было бы так просто, мы бы давно их всех переловили, – сказал лейтенант уже строго и потребовал: – Ладно. Для начала давайте запишем ваши данные. Где проживаете, и вообще. – Он взял бумагу и ручку.

Ксения поняла, что дело оборачивается ни в ее пользу. И вздохнула. Невезуха прет. Если сейчас она не откажется от своего заявления, милиционеры будут все уточнять и наверняка позвонят в колледж. И тогда Галине Сергеевне достанется по первое число. А ведь Ксения обещала, что сама доберется до дома. Получается, подвела она воспитательницу.

– Знаете, – Ксения холодно взглянула на служаку лейтенанта, терпеливо ожидавшего от нее ответа, потом на сидящего чуть в сторонке усатого постового милиционера, который неизвестно зачем торчал тут в отделение и сказала: – Не надо искать ту женщину.

Служака лейтенант нахмурился для вида.

– Гражданка, я что-то не понял. Ведь вы заявляете, что у вас украли деньги и паспорт?... – произнес он без нажима, хотя и несколько сурово. Но это только так, чтобы воздействовать на заявительницу.

Ксения поняла, эта его суровость только для вида. На самом деле он несказанно рад, что во время его дежурства одной проблемой стало меньше. И не надо возиться с этой беременной.

– Все так. Только я подумала...

– О чем? – пытливо глянул служака на Ксению.

– У вас ведь и без меня дел тут хватает. Да и мне все равно уезжать надо, – Ксения достала билет на поезд, который лежал у нее в другом кармане пальто и потому уцелел. – Поэтому я решила не подавать заявления, – она взяла со стола лист, на котором написала заявление, и порвала его в клочья и швырнула в урну.

Служака лейтенант повеселел.

– Вот и правильно, – сказал он и тут же добавил: – Вы не беспокойтесь. Приметы той воровки я записал. Как появится, мы ее сцапаем. Правильно Николаев? – обратился он за подтверждением к постовому, который за все время пока Ксения была тут, не проронил ни слова, боясь дыхнуть на девушку перегаром. Но теперь был вынужден это сделать. И раскрыв рот, произнес:

– Если появится, то никуда от нас не денется.

Ксения чуть не задохнулась. Ну дают служивые. В маленькой комнатенке с прокуренным потолком и так дышать нечем, так еще перегар. Он исходил от лейтенанта и усатого постового в таком количестве, что Ксении захотелось как можно быстрее покинуть это помещение. Поэтому больше ни слова не говоря, она встала и пошла к выходу. «Век бы не видеть вас и ваши рожи», – думала, уходя.

Служака лейтенант смахнув со стола обрывки заявления, улыбнулся. Все получилось довольно не плохо.

– Николаев, проводи гражданку, – распорядился он, облегченно вздохнув.

Уже перед дверью, Ксения обернулась, осадив порыв усатого постового, который наконец-то оторвал свой зад от засаленной лавки.

– Спасибо. Не надо меня провожать, – сказала и быстро вышла. Шла не оборачиваясь, но что-то ей подсказывало, усатый постовой тоже вышел и как тень следует за ней. В зале, где было много народу, она обернулась и увидела усатого постового. Он стоял возле аптечного киоска и о чем-то разговаривал с тем типом, который ей представился Артуром. Заметив, что Ксения смотрит на них, они тут же разошлись в разные стороны. Усатый постовой не торопясь пошел по залу, а подозрительный тип юркнул за аптечный киоск.

Теперь в душу Ксении закралось подозрение: а не обошлась ли эта кража денег и паспорта при участии Артура? Предчувствие подсказывало, что он человек коварный и способен еще и не на такие делишки. Она хотела было вернуться в линейное отделение и рассказать о своих подозрениях служаке лейтенанту. Но передумала, зная наперед, что услышит в ответ. Нужны доказательства. А ее подозрения к делу не пришьешь.

– Ну и попала я в ситуацию, – сказала сама себе Ксения и вздрогнула, почувствовав, что кто-то ее легонько тронул за руку. Резко обернулась и увидела Артура. Он посматривал на Ксению с надменной улыбочкой. А Ксении хотелось ему наговорить кучу гадостей. Но она ограничилась немногим, сказав со злостью:

– Ты! Гад. Я знаю, что это ты...

Артур изобразил на своем лице удивление.

– Ты обвиняешь меня в воровстве?

Ксения не ответила. Хотя и была уверена в своих обвинениях. Но доказать это она ведь не сможет. Получается, будто она наговаривает. А с другой стороны какие тут нужны доказательства. Стоит только глянуть на его рожу и сомнения отпадают.

Она отвернулась, не хотелось даже видеть этого негодяя. Давно подметила, есть тип людей, общаться с которыми не возникает желания. Этот Артур как раз принадлежит к таким.

– Ты мне не ответила? – начал приставать он.

Ксении захотелось послать его куда подальше и чтобы он не возвращался оттуда никогда. Но вместо этого она вдруг сказала ему:

– Я обвиняю тебя в том, что это ты подослал ту крысу. Вот она и стырила у меня деньги и паспорт.

На этот раз Артур отказываться не стал.

– Смотри-ка, догадалась. А ты оказывается смышленная девочка. Мне такие нравятся.

Ксения глянула на пристававшего с нескрываемым отвращением. Ему видишь ли такие нравятся. Подумал бы, кому может понравиться он сам с такой рожей. Кулак по ней плачет. Была бы парнем, с удовольствием врезала бы ему. Жаль, что этого не сделал бабкин внук, вступившийся за нее в зале ожидания.

– Да. Это я велел обчистить тебя. Сознаюсь. Что побежишь в милицию? – с ехидством спросил Артур.

Ксения бросила взгляд на дверь комнаты линейного пункта, куда только что вошел уса-тый постовой. Может и впрямь пойти, рассказать про этого гада? Артур словно догадавшись о чем она подумала, сказал с равнодушием:

– Беги, беги. А я возьму и от своих слов откажусь. Твоего паспорта у меня нет. И ты ничего не докажешь против меня, красавица. Только дуррой себя выставишь.

– Негодяй. Мерзавец, – высказала Ксения парочку оскорблений, но они на Артура не подействовали.

– Ой, ой, ой, – усмехнулся он.

– Подавись деньгами. Отдай мне паспорт. Мне надо уехать домой... – начала Ксения врать, но Артур в довольно неделикатной форме перебил ее, сказав:

– А чего ж ты не уехала?

– Я опоздала на поезд, – соврала Ксения. Да и куда деваться, раз этот Артурка пристаёт. Готова была наговорить чего угодно, лишь бы он отвязался. И какое его дело, почему она не уехала. Пусть о себе побеспокоится, ворюга.

– Она, видишь ли, опоздала на поезд, – произнес Артур с издевкой. – Звучит, конечно, вполне правдоподобно. Только не для меня. Я видел как ты шла по перрону с толстой бабой в шубе. Потом вы вошли в вагон. Из него толстуха вышла одна, а ты осталась в вагоне. И поезд тронулся. На этом бы все и кончилось, но вдруг я опять тебя увидел. Уже тут на вокзале. Что у поезда сломалось колесо?

– Не твоё дело! И вообще, ты кто такой, чтобы я перед тобой отчитывалась?

– Оно конечно так. Все верно. Я тебе никто, – пожал он плечами. – Только не забывай, где твой паспорт. А чтобы тебе получить новый, это надо приложить столько усилий. И самое главное, тебе надо получать его не здесь, а по месту твоего жительства. А согласишься, уезжать из Москвы тебе ох как неохота? Или я не прав?

Ксения молчала. Как не прискорбно сознавать, но этот урод был во всем прав. И это особенно в нем не нравилось Ксении. Мало того, что он неприятный тип, так оказывается еще и расчетливый. Вон как все грамотно разложил по полочкам.

– Слушай, – Ксения попробовала затронуть его чувства. – Можешь ты хотя бы раз в жизни быть человеком? Если да, то верни мне паспорт, – сказала она. Но сказанное ею, Артуру пришлось не по душе.

– Значит, я по-твоему, не человек? – обиделся он. – Здорово. Н...да. Такого мне еще не доводилось слышать, особенно от таких засранок как ты. Ты думаешь, если красивая, то имеешь право оскорблять меня? Да? Как бы не так. Поняла? А паспорта твоего у меня

нет. Можешь обыскать. На обыскивай, – довольно громко проговорил Артур, и люди стали на него и Ксению обращать внимания. – Ну давай. – Он расстегнул дубленку, предоставляя возможность заглянуть во все имеющиеся карманы.

– Да пошел ты... Очень мне это нужно, – Ксения предприняла попытку отойти, но и Артурка поплелся следом.

– Нет у меня твоего паспорта, – сказал он.

Казалось, этот негодяй только для того и прицепился к ней, чтобы поиздеваться. Иначе как воспринимать сказанное им. Ведь только что он признался, что подослал к ней ту воровку.

– А я и не отказываюсь. Да. Подослал.

– Но зачем? Ведь у меня и денег-то немного, – недоумевала Ксения.

Артур брезгливо скривил губы.

– Очень мне нужны твои деньги. – Он достал из кармана дубленки бумажник, и раскрыв его показал пачку долларов. – Вот, видала?

– В таком случае я не понимаю. Что же тебе нужно?

– Ты нужна, – сказал Артур, чем удивил Ксению настолько, что она на какое-то время лишилась речи. Несколько минут молчала, потом не веря услышанному, спросила:

– Я?

Артур кивнул.

– Ксения от удивления вытаращила глаза. – Ты что хочешь со мной переспать? Но ведь я беременная. Мне скоро рожать...

– Очень надо мне с тобой спать. Хотя может быть потом, после как родишь... Там будет видно. Принуждать не стану, – сказал он и добавил: – Нет, милая, ты мне нужна для другого.

Ксения удивилась еще больше, особенно этой недосказанности Артура. В ней угадывалась интрига, которая одновременно и пугала и завораживала.

– А для чего, могу я узнать? – не удержалась она от вопроса.

Но Артур не ответил.

– Пойдем отсюда. Нечего тут стоять, чтобы все на нас таращились, – предложил Артур. – А дорогой я тебе все объясню. Тем более, что теперь без паспорта тебе деваться некуда, если конечно, не хочешь залететь в приемник распределитель для бомжей.

Услышанное, заставило Ксению содрогнуться, потому что не трудно догадаться, каково там.

– А ты куда меня приведешь? – попыталась она выяснить у Артура, не очень-то горя желанием идти с ним неизвестно куда. Пусть сначала скажет.

– Не беспокойся. В нормальное общество. И вообще, не строй против меня козни. Запомни, я приличный человек. Меня многие уважаемые люди знают. Поэтому как уже говорил, я могу тебе помочь, заполучить свой паспорт обратно. Но это с условием, если ты согласишься поработать на меня. Решишь остаться тут на вокзале, наживешь себе неприятностей. Ведь без паспорта ты кто? Бомжиха. А к таким здесь отношение сама понимаешь какое. Резиновой дубинкой по хребту и баста. Но если будешь со мной, никто тебя и пальцем не тронет, – пообещал Артур, произнося все это с бахвальством.

Ксения вздохнула. Иметь дело с подобными негодьями ей еще не приходилось. Но сейчас и в самом деле деваться некуда. Поэтому она вынуждена принять условия Артура. Но отказать себе в удовольствии и не нагрубить ему Ксения не могла. Поэтому сказала Артуру:

– А все-таки, ты сволочной мужик!

Артур понял, что девушка сдалась. Взял ее сумку.

– Наверное, – засмеялся он и пошел к выходу.

Глава 5

Было холодно и темно. Такая поздняя осень Ксения не нравилась. Утром смотришь, вроде бы все замечено снегом, и, кажется, вот уже наступила зима. Но днем, когда из-за туч выглянет солнце и чуть пригреет, этот снег едва ли не весь растает. А ночью нападает опять. И так без конца, изо дня в день. Противно, потому что на улице сыро и холодно. А Ксения хотелось тепла. Только вот его-то как раз и нет. А есть поздняя осень с капризной переменчивой погодой.

Ксения шла за Артуром, спотыкаясь о припорошенные снегом шпалы. От усталости и голода состояние было такое, что хоть упасть бы где-нибудь, и полежать минут пятнадцать. И чтобы никого не слышать. И никто чтоб не приставал и не тревожил. Там на вокзале, мечтала о теплой комнате с кроватью. Теперь только лишь о покое. Полежать. Дать отдых уставшему телу и пусть никто не мешает. И она бы не стала приставать ни к кому, потому что никто ей не нужен. Жизнь казалась теперь Ксения пустой и потерянной. И строить прогнозов на будущее не имело смысла.

Она даже не думала сейчас о том, что Артур может ее завести куда-нибудь подальше от вокзала и убить. Наверное, Ксения бы не испугалась. Все надоело до чертиков, и потому она не испытывала даже страха к смерти. «Пусть будет то, что будет», – мысленно повторяла она, шагая за Артуром. И не спрашивала, куда он ее ведет.

Мимо проносились последние электрички. Одна. За ней другая. А они все шли и шли, отмеряя шагами заснеженные бесконечные шпалы. Куда и зачем. И опять Ксения спотыкалась в темноте. Даже смотреть перестала, что там попадалось под ноги. Не хотелось. От усталости едва передвигала ноги.

«Когда же это закончится?» Об этом хотела спросить Артура. Ну в самом деле, сколько можно вот так топтать.

Наконец, в конце дальнего тупика Ксения увидела вагон, в окнах которого горел тусклый, но все же свет. «Боже. Неужели пришли?» – почувствовала Ксения облегчение. Еще каких-то сто шагов и она бы точно не выдержала, упала прямо бы на рельсы.

– Ну вот мы и дома, – сказал Артур, не отказывая себе в бахвальстве: – Это мой гарем. Видишь, не спят мои красавицы. Ждут меня. А ты считаешь, что я плохой. Стали бы они ждать меня.

Насчет того, плохой он или хороший, Ксения решила воздержаться от комментариев. Не досуг сейчас. Да и как можно человека назвать хорошим, если он стырил твои деньги и паспорт.

– Твой гарем? Ты что падишах?

В голосе Ксении Артур заметил сарказм и слегка рассердился.

– Ладно тебе. Скажешь тоже, падишах. Это я своих женщин так называю в шутку. И знаешь, будь с ними попроще. Не так как со мной, без этих твоих подковырок. Они люди простые и могут не понять тебя, – посоветовал он и постучал в закрытую дверь, крикнул: – Эй, наложницы, открывайте. Хозяин пришел.

Кажется, его и в самом деле поджидали, потому что дверь открыли почти сразу как только Артур постучал.

Ксения увидела невысокого роста, сгорбленную женщину лет шестидесяти.

– Прошу, мадам, – галантно протянул Артур Ксению руку. – Проходи, не стесняйся. Теперь ты с нами. И поверь, тут намного лучше, чем слоняться по вокзалам, бегая от ментов.

Ксения промолчала и не потому что ей нечего было сказать. Просто от усталости ничего говорить не хотелось. Вошла, заметив на себе недоброжелательные взгляды обитателей гарема. Судя по тому количеству женщин, которые столпились в коридоре, чтобы

посмотреть на Ксению, их тут было не менее двадцати. Разных возрастов. Кто без руки. Кто без ноги или без глаза. Одним словом, калеки, собранные Артуром. Пока Ксения не понимала для чего. И тем более зачем Артуру понадобилась она. Хотя он что-то говорил про работу. Будто даст ей работу. Работодатель фигов. Интересно, какую.

– Обо всем поговорим потом, – сказал Артур ей, когда Ксения обратилась к нему с вопросом. – Сейчас тебе надо поесть. Отдохнуть. А поговорить, у нас будет еще время. Так что иди, мой руки и прошу в мое купе. На ужин, – пригласил он Ксению, отпирая замок на двери купе.

Перед ним крутилась та самая сгорбленная женщина, которая открыла им дверь.

– Как тут у вас без меня? – спросил у нее Артур.

Женщина улыбнулась, обнажив свой беззубый рот.

– Все нормально.

– Да. Ну ладно. Организуй нам поесть, – сказал ей Артур, входя в свое купе, в которое судя по всему вход всем прочим был ограничен. Ксению разрешен в виде исключения.

– Садись за стол, – сказал Артур Ксению и сам плюхнулся на лавку.

В уговорах Ксения не нуждалась. И раз уж пришла сюда, то придется принимать те условия, которые ей теперь предложит Артур. А пока он предлагает всего лишь поужинать, что само по себе было даже очень не плохо.

Горбатенькая женщина, не смотря на свое уродство, оказалась довольно проворной. Ксюха только успевала за ней следить, как та выставляла на стол тарелки. Одну с копченой колбасой. Другую с тушеным мясом. Третью с нарезанными солеными огурчиками. Потом на столе появились салат, селедочка и вареная картошка в мундире, консервы и еще много чего такого, что увидеть Ксения здесь и не ожидала. Даже подумала: «А этот Артур и в самом деле как падишах. Вот только все-таки не понятно, для чего ж я ему понадобилась».

Ксения уже успела заметить, что все обитатели гарема проявляют к ней интерес и под разными предлогами ходят мимо открытой двери и заглядывают в купе, и смотрят на нее. И перешептываются. Ксению такое внимание не очень-то нравилось. Особенно вызвало раздражение, когда возле двери показалась старуха без ног, на низенькой тележке да еще с кривым глазом, которым она нагло уставилась на беременную девушку и при этом заулыбалась.

Ксения поспешила отвернуться, настолько стало противно ее уродство. Заметив это, Артур замахал на калеку руками.

– Давай, кати отсюда назад. Не маячь тут перед глазами, – гаркнул он на безногую старуху и та мигом исчезла. Только еще какое-то время в коридоре слышался тихий скрип колесиков ее тележки. А Артур тихонько сказал Ксению:

– Если б ты знала, как они мне все надоели, – потом приподнявшись с лавки, выглянул в коридор и гаркнул на своих гаремовских наложниц: – А ну пошли все по своим квартирам.

Под квартирами имелось в виду купе, в которых тут обитали женщины. Ослушаться своего господина они боялись. Поэтому коридор тут же опустел. Стало тихо. Даже не слышно было шепота, который Ксению раздражал, потому что все эти калеки только и говорили о беременной красавице, пришедшей сюда вместе с Артуром.

– Ну как они тебе? – спросил Артур у Ксении.

Ксения не знала, что ей следует ответить, и поэтому отвечать не стала ничего. Хотя и удивлялась, почему в гареме у Артура почти все женщины калеки.

– Скоро поймешь, – сказал ей на это Артур и посоветовал пока не забивать голову ничем и не отвлекаться от ужина. – Ты сначала поешь как следует, а поговорить у нас с тобой время еще будет. – Он налил из бутылки в два стакана коньяку. Себе и Ксению. Молчком осушил свой стакан, закусил долькой апельсина, потом сказал:

– Вот так мы и живем. Простые российские нищие. Да ты ешь, ешь, не стесняйся.

Ксения не стеснялась. Скорее отвлекалась. У нее было неприятное чувство от вида гаремовских калек. Стол им накрывала горбатенькая старуха, в глазах у которой было что-то демоническое. Если б Ксения на улице встретила такую, точно бы испугалась и перешла на другой тротуар. Да и те уродки, маячившие по коридору туда-сюда, выглядели не лучше. Глаза у всех злые, завидующие. Ксения предпочла бы от таких дам держаться подальше. Лучше бы Артур дверь закрыл, чтоб спокойно поесть, когда тебе не заглядывают в рот. Но падишах предпочитал ужинать при открытой двери.

– Коньячка выпей, – предложил Артур, подвигая Ксению стакан с коньяком.

От еды Ксения отказываться не стала, а коньяк пить не захотела.

– Ну и зря, – с некоторым разочарованием сказал Артур. Но, как оказалось, разочарование это было недолгим. Взяв стакан в руку, он тут же осушил его и дохнув на Ксению перегаром, произнес с чувством:

– Я конечно, понимаю. У тебя проблемы личного характера, – указал он глазами на выпуклый живот Ксении. – Но ты знай, Артур тебе поможет. Вот ты на вокзале меня обзывала, а между прочим зря. Не такой уж я плохой человек. Я всем помогаю. Ты видела моих красоток? – произнес он без всяких насмешек.

Ксения жевала ветчину. Причем так набила рот, что не могла произнести ни слова и потому только кивнула. Это означало, что всех маячивших в коридоре мимо купе, она успела разглядеть.

Хозяин гарема захмелев от выпитого коньяка, почувствовал охоту выговориться, при этом выставя себя таким добродетелем. Общение с калекми не доставляло ему удовольствия. То ли дело Ксения. Новый человек. Молодая, да еще красивая. С такой можно и поговорить.

– Вот, – заговорил он нарочно громко, чтобы обитатели гарема его слышали. – От них все отвернулись. Государство. Люди. И только Артур, – постучал он себя кулаком в грудь, – не отвернулся. – Я собрал их всех здесь. Теперь у них есть жилье, пища. Я – организатор. Я создал для них этот гарем. Не дал им пропасть с голоду. Замерзнуть под забором. – Он неосторожно махнул рукой и опрокинул со стола бутылку, в которой еще оставалось коньяка на хороший стакан.

Ксения хотела поднять бутылку с пола, но Артур остановил ее.

– У меня еще есть. Целый ящик. А это капли. Так про что я говорил? – спросил он, напрягая память, которая временами, особенно когда он был пьян, оставляла его. Это было последствием одной драки, во время которой Артуру хорошенько дали по голове.

– Ты говорил, что создал для этих женщин гарем, – напомнила Ксюха.

Артур кивнул.

– Правильно. Это все я. – Артура понесло и он говорил еще о многом.

Ксения делала вид, будто внимательно слушает его. «Пусть треплется о чем хочет», – решила она, не отказывая себе и набивая рот едой. И скоро почувствовала такую тяжесть в животе, что казалось еще немного и он лопнет. Есть уже не хотелось. Если только попить. Ксения налила себе в стакан мандаринового сока. Во-первых он вкусный. Во-вторых полезный. И жевать его не надо, только глотай.

В отличие от нее, Артур пил коньяк. Откупорив другую бутылку, он выпил ее почти всю, вызвав этим у Ксении удивление. Как только в него влезает столько. Почти ведь две бутылки. И кажется это не предел, раз он тянется за третьей. Падишах алкоголик.

Только теперь Ксения заметила, что левый глаз у Артура моргал, словно в него попала соринка, в то время как правый застыл не мигая. И Ксения не могла понять, как такое может быть.

Подсказка пришла от хромоногой горбатенькой старухи. Появившись из темного коридора как приведение, она ласково заговорила, обращаясь к Артуру:

– Что сволочь одноглазая, нажрался?

– Он одноглазый? – удивленно воскликнула Ксения.

Горбатенькая хромоножка кивнула.

– Такой же калека как и все мы. Только хитрый зараза.

Артур еще сидел за столом, и уже не соображал, что происходит. Услышав голос горбатенькой прислужки, повернул голову на бок как петух, и уставившись на нее одним глазом, произнес заплетающимся языком:

– Кто сказал, что я сволочь? Выгоню на мороз. – Он громко икнул и голова его стала клониться к столу в тарелку с остатками салата.

– Спи, Артурчик, спи. Ты у нас хороший, – ласково как ребенку, сказала ему горбатенькая старуха, погладив при этом по голове.

Ксения заметила, что заботилась она об Артуре с материнской нежностью, как если бы он был ее сыном. Или хотя бы внуком. Но они были чужие люди.

– Да, я хороший, – пролепетал Артур и наконец-то уронил голову в тарелку с недоеденным салатом и сразу же захрапел.

– Все. Утух, – сказала горбатенькая старуха и махнула Ксению рукой. – Пойдем. Я покажу, где будешь спать. В одном купе с Фаиной. Только ты тихонько. Она уже заснула.

Ксения кивнула, выражая полное согласие. И ей действительно сейчас было все равно где спать, лишь бы скорей лечь. Сидеть она уже не могла. А веки настолько отяжелели, что сами собой закрывались. Подумала: «Кажется, я объелась. И если не встану сейчас, то засну прямо здесь за столом». Опираясь об стол, она все же поднялась и в полудремотном состоянии как зомби, пошла по коридору за горбатенькой хромоножкой.

Купе, в которое та привела Ксению, оказалось довольно уютным. И оно неоспоримо было в сто раз лучше чем жесткая скамейка на вокзале. Пусть даже подушка и простыня с пододеяльником не первой свежести. Все это было разостлано на нижней левой полке. Рядом, на правой, отвернувшись к стене, спала худенькая женщина.

Ксения даже ее сперва и не заметила в потемках, но сопровождавшая ее хромоногая старуха шепнула:

– Это Фаина. Ты ее не буди. Ложись тихонько.

– Да. Конечно. Хорошо, – кивнула Ксения и войдя, сразу завалилась на приготовленную для нее полку. И сразу же вырубилась. Сквозь сон слышала как где-то в стороне прогремел по рельсам ночной поезд, а рядом за стеной что-то бубнил пьяный Артур. Но все эти звуки пропадали удаляясь, пока Ксения их и вовсе не перестала слышать. Впервые за последнее время ей было так хорошо и спокойно, что хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончалась. И пусть весь мир катится кувырком, а она будет лежать на этой полке и спать безмятежно как дитя.

Она проснулась оттого, что в окно заглядывало яркое ослепительное солнце. Снег еще искрился, переливаясь под солнечными лучами разноцветными бликами. Но днем потеплело, и с крыши вагона закапала капель. И казавшийся таким чистым выпавший за ночь снег, потемнел и стал тут же на глазах таять, обнажив вокруг неприглядные лохмотья грязи. Что и говорить, в этом году осень оказалась на редкость затяжная и переменчивая.

Но сейчас от этого настроение у Ксении несколько не испортилось и казусы природы не могли омрачить его. Глянув на себя в зеркало, она весело спросила у своего отражения:

– Ну что, начинаем новую жизнь?

Отражение умолчало. Поэтому отвечать себе пришлось самой же Ксении и она улыбнувшись, сказала: – Начинаем. – И позвала: – Эй, люди!? Есть здесь кто-нибудь живой?

Она прошлась по вагону, заглядывая в двери. В вагоне кроме нее никого не оказалось. Все куда-то странным образом исчезли, оставив Ксению в одиночестве, которое для нее отнюдь не было в тягость. Наоборот. Сейчас ей хотелось побыть одной. И не шугаться этих

уродок, к общению с которыми еще предстоит привыкнуть, если она останется тут хотя бы на некоторое время. А это не так-то просто. И хорошо, что к ней никто не лезет в душу с расспросами. Можно собраться с мыслями и подумать. А подумать ей есть над чем. Ведь как-то надо жить.

Унылый пейзаж осеннего лесопарка, хорошо просматривался из окон вагона. Подойдя к окну, Ксения долго смотрела на голые макушки высоких берез, которые, готовясь к зимним холодам, сделались серыми. На них расселась стая ворон. Приблизившие морозы птицы решили пережить вместе. Опыт подсказывал, так легче выжить.

«У них тоже гарем. Только свой, птичий», – невольно пришла мысль, когда Ксения, вспомнила как вчера Артур бахвалился перед ней тем, что создал для калек это сообщество, спасая их тем самым от вымирания. Может быть он и прав. Не в подворотнях же этим всем теткам пропадать. А вот как быть ей, Ксения не знала. Решила все будет зависеть от того, что ей предложит падишах. А пока не лишне бы узнать, куда подевались все обитатели гарема.

Озадачившись этим вопросом, Ксения захотела выйти на улицу. Но это оказалось невозможно. Входная дверь в вагон одна и другая, оказались запертыми.

– Нормально. Побоялся, я убегу, вот и запер. Теперь я тоже стала наложницей гарема его величества падишаха Артура, – невесело пошутила Ксения. Такое недоверие к своей персоне со стороны хозяина гарема посчитала ничем иным, кроме как оскорбление ее достоинства. Хотя никаких обещаний и тем более согласия на проживание тут, она еще не давала. А падишах поспешил и уже посчитал ее своей собственностью.

– Вот урод. Мне бы только вернуть свой паспорт, – проговорила Ксения, подойдя к купе падишаха. И настроение сразу омрачилось.

Оказалось, Артур запер не только входные двери вагона, но и дверь своего купе, повесив на нее огромный замок.

– Он не только падишах, но еще и куркуль, – неловко выразилась Ксения, пытаясь найденным на полу ржавым гвоздем открыть замок. Предпринятые несколько попыток оказались безуспешными и ни к чему не привели. Замок не открылся.

Вчера, когда ужинали, Ксения заметила стоящий в углу сейф. И теперь ей почему-то казалось, что ее паспорт Артур спрятал в него. Возможно, что и ключи от сейфа лежат где-то тут в купе. Вот только как туда войти, чтобы проверить свою мысль, когда этот проклятый замок не открывается.

Минут десять потраченного на замок времени, были безвозвратно утеряны, и Ксения отказалась от своей затеи и пошла в купе предназначенное под кухню. Там увидела на столе записку, в которой Артур просил ее не забывать, подбрасывать уголь в котел, чтобы не остудить вагон. Хотя об этом он бы мог и не предупреждать ее. Не глупенькая. Да и все при деле, чем сидеть просто так и пялиться в окно.

За дело Ксения взялась с охотой. Сначала наложила в топку котла угля, потом перебрала гору посуды оставленной после вчерашнего ужина. Вечером ее мыть не стали. С утра разбежались кто куда, скорее всего понадеявшись на Ксению. Хотя быть тут для них золушкой, она не собиралась. Но разве что для первого раза. Так и быть. К тому же и самой есть захотелось.

Почистив картошки, она в большой кастрюле сварила суп из пяти банок тушенки. По расчетам Ксении этой порции супа должно было хватить на всех обитателей гарема, хотя сколько их точно, она и не знала. Но чтобы уж точно никого не оставить голодным, приготовила еще солянки со свининой. И заметив, что за окном за вечерело, стала ждать возвращения падишаха и его гаремовской свиты.

Глава 6

Гарем Артура состоял из двадцати пяти женщин разного возраста. Большинство в нем были старухи калеки, которые всю жизнь только и делали, что занимались попрошайничеством. С годами это в них укоренилось, стало их профессией. Они бродили по вокзалам, слезливо ропща на судьбу, вызывая у людей жалость, за которую получали деньги. Многие из них не раз и не два попадались Артуру на глаза, что в конце концов навело его на неплохую мысль, поиметь с этих попрошаек выгоду, если заставить работать на него. И он заставил. Кого уговорами, а несговорчивых угрозами и даже избиениями.

И все они согласились, потому что раньше были никому не нужны, жили как придется, сами по себе, а теперь Артур стал заботиться о них. Защищал от рекитеров и вытаскивал из милиции, если кого из его подопечных забирали.

Заработанное за день, они сдавали Артуру вобщак, в так называемую общую копилку. Артур рассказывал им про большой загородный дом, который будет выстроен на их заработанные, общаковские деньги. И когда он будет готов, им больше не придется ютиться в этом тесном провонялом вагоне. Он показывал папку с бумагами и кучу бланков, уверяя, что земля под дом уже выкуплена и строительство начато. И надо приложить еще немного усилий с их стороны, заработать еще денег и тогда недолго до конца строительства. В этом большом и просторном доме для каждой из гаремовских женщин найдется угол.

Многие из его наложниц верили ему, кто-то нет. Но всем им было приятно в одном, что хоть один человек в целом свете думает о них, заботится, кормит, пусть и на их же деньги. А рублики те нужно еще было заработать. Для этого Артур между всеми своими содержанками распределил обязанности. Женщины калеки ходили по электричкам и попрошайничали. Это давало неплохой доход. Но были в гареме и такие, кто занимался воровством чемоданов и сумок у зазевавшихся пассажиров и карманники.

Артур все за ними контролировал и за каждой вел учет, строго обязав выполнять норму. Тех, кто не выполнял ее, ожидало жесткое наказание. Они лишались продовольственной пайки, или получали удар кулаком под глаз. Здесь выбор предоставлялся самим гаремовским наложницам, кто, чего захочет. Артур не возражал. А избежать наказания еще не удавалось никому из них.

В этот раз все обитатели гарема вместе с Артуром возвратились часам к восьми вечера. Безногую старуху поберушку привезли на тележке.

Артур был чем-то раздражен, вошел, придирчиво осмотрел кухню. Здесь все оказалось чисто, поэтому у него не возникло повода придираться.

Открыв свое купе, он снял дубленку и шапку, бросил все это на верхнюю полку и сразу же сел за стол.

– Давайте жрать, – сказал и поставил на стол две бутылки водки. – Целый день как пес бродячий таскался. То туда, то сюда. Тьфу, – он в сердцах плюнул на пол. – Сто грамм не принял.

Это было сигналом, что Ксения должна немедленно накрыть стол, что и пришлось сделать. Она налила Артуру большую тарелку горячего супа. Горбатенькая хромоногая старуха поставила на стол копченую рыбу, колбасу, консервы. Кто-то из женщин принес пакет красных яблок. Все самое лучшее падишаху.

Артур отложил штук десять порумянее, остальные отдал своим женщинам, говоря:

– На всех раздайте. А ты, – сказал он Ксении, – молодец, что суп сварила. Селедочку пошинкуй лучком да побольше. Это самая закуска под водочку. – Он порезал хлеб большими кусками и заметив, что Ксения смотрит с удивлением, объяснил: – Детство у меня было

голодное. Не поверишь, но я всегда мечтал хотя бы хлеба вдоволь наесться. Сейчас вот ешь не хочу. А привычка к куску осталась. Потому и не люблю тонко резать.

Все обитатели гарема разошлись по своим купе. Ксения тоже хотела уйти, но Артур не позволил.

– Останься. Будешь ужинать со мной, – сказал он, давая понять, что выражает Ксению особые симпатии и доверие, что очень даже немаловажно. – Ты не такая, как эти твари. С тобой хотя бы можно поговорить по человечески. И вообще...

Что Артур подразумевал под этим вообще, Ксения так и не поняла. Ослушаться падишаха не посмела, осталась, сев на краешек стола, налила себе супа, после чего кастрюля пошла по другим купе.

Артур налил себе стакан водки. Уверенный, что Ксения откажется, ей предлагать не стал. Достал из-под стола из коробки десять бутылок водки, велел горбатенькой старухе раздать по купе.

Ксения уже успела заметить, что выпить в гареме любили. Потом ей довелось узнать, как пьяные калеки в пылу ревности хозяина гарема друг к другу затевали такую потасовку, что их временный дом на колесах ходуном ходил. Тогда Артуру приходилось вмешиваться и наводить порядок.

В этот раз такого не случилось. Опьяневшие калеки наперебой рассказывали истории прошедшего дня, как они кого-нибудь ловко одурачили или обчистили карманы.

Ксения молчала. Во-первых, подобное она презирала. До попрошайничества и тем более воровства, она еще не опустилась. Поэтому, хвастаться ей нечем. И вообще не хотелось вступать в разговор с еще мало знакомыми людьми да еще неприятными ей. Оставалось сожалеть о том, в какое падшее общество ее занесло по воле судьбы.

– Ну и попала я, – говорила она себе, не понимая почему судьба относится к ней так безжалостно.

Артур сидел мрачный. Даже выпитые пару стаканов водки на этот раз не подняли ему настроение. Быстро покончив с ужином, он вытер сальный рот полотенцем, швырнул его на скамейку и с раздраженным выражением лица выглянул в коридор. И в вагоне как-то сразу все замолчали. Сделалось так тихо, что было слышно как в котле, в топке, прогорая, подсыревший уголь потрескивает.

– Так, – громко сказал Артур, чтобы всем было хорошо слышно его.

Хотя Ксения не сомневалась, скажи он сейчас даже шепотом, все гаремовские калеки и так бы услышали.

– Ну давайте, проверим результаты вашей работы за сегодняшний день. А то, я смотрю, за столом вы мастерицы треп разводить. А как про норму, так сразу все молчок. Ну, кто первый ко мне на отчет пойдет? – предложил он на выбор.

Ксения вместе с горбатенькой старухой наскоро прибрали со стола посуду, Женщины приученные к порядку, по очереди стали входить в купе своего падишаха и выкладывать на стол деньги.

Сданные деньги Артур пересчитывал с быстротой счетной машинки, успевая еще при этом делать записи в толстую тетрадь напротив фамилий своих наложниц.

– Молодец. Ты сегодня неплохо поработала, – хвалил он тех, кто выполнил и перевыполнил норму, другим высказывал нарекания: – А ты сегодня что-то не очень. Придется завтра доработать. Имей в виду, – погрозил он пальцем хромоногой женщине на костылях. И та, довольная, что обошлось без мордобоя, опираясь на костыли, попрыгала на одной ноге по коридору в свое купе.

– Следующая!? – выкрикнул Артур, едва выпроводив одноногую.

Ксения переменялась в лице, когда в купе вошла та самая худенькая, похожая на паренька женщина, которая крутилась возле нее на вокзале. И как оказалось, она же стала соседкой по купе, просто вчера в темноте Ксения не разглядела ее.

– Это ты? – накинулась было она на женщину, которую горбатенькая старуха называла Фаиной. – Ты украла мои деньги и паспорт. – Ксения схватила воровку за плечи, но та ловко извернулась, освободившись от захвата.

– Отвали, подруга, – сипловатым голосом произнесла она. – Ничего я у тебя не крала. Поняла? – оскалилась она, обнажив кривые желтые зубы.

– Но ты... – Ксения решила от своих обвинений не отступать и довести дело до конца, хотя толком и не знала, каким он будет. Затевать драку бессмысленно, особенно теперь. Но обида захлестывала и молчать она не могла.

Но Фаину этим было не пронять. Она оказалась напористой бабой.

– Ты что видела, как я лезла в твой карман? – нагло уставилась она на Ксению. – А если не видела, тогда отвали, пока не получила. И не закатывай истерику.

– Но, но, – погрозил Фаине Артур пальцем. – Ты видишь в каком она положении?

– А чего она надирается? – огрызнулась Фаина, презрительно глянув на Ксению и отвернувшись.

– В самом деле, – обратился Артур к Ксении. – Потом с этим разберемся. А сейчас надо о деле.

– Но это она обворовала меня. Забрала мой паспорт... – Ксения не могла успокоиться, и видя, что она разошлась не на шутку, Артур стукнул кулаком по столу.

– Я сказал, погоди с этим. Что ты заладила? – прикрикнул он на Ксению.

Ксюша отвернулась. Теперь было понятно, что если эта Фаина действительно воровка, то уж точно Артур с ней заодно. И пожаловаться на него некому. Он понимает это, потому и ведет себя так развязно.

Фаина стояла возле стола, на котором лежали деньги тех, кто сдал их Артуру перед ней. Теперь была ее очередь. Но она медлила, то ли отвлеченная перебранкой с Ксенией, то ли еще по какой-то причине.

Артур выжидающе глядел на Фаину.

– Ну? – сказал он потеряв терпение. – Давай, выкладывай. Сколько у тебя там?

Фаина не ответила, стояла, низко опустив голову. Посмотреть в лицо Артуру она боялась. Молча положила на стол горсть мелочи и сверху помятую сторублевку, которую Артур брезгливо двумя пальчиками поднял со стола, и раздраженно уставившись на женщину, произнес:

– Это что, все?

Фаина не ответила, только еще ниже опустила голову, словно подставляя ее палачу под топор.

– Я тебя спрашиваю, это и все? – заорал на нее владелец гарема. – Разве у тебя такая норма? Где остальные деньги? Ты что, гадина, умнее всех. Не знаешь дневную норму? Сука! – закричал он на Фаину так, что все кто стояли рядом, вздрогнули. В том числе и Ксения.

В ожидание того, что сейчас ее будут бить, Фаина сжалась и как нашкодивший ребенок, шмыгнула носом. На глазах блеснули слезы. Казалось еще чуть-чуть и она разрыдается и ничего и никто уже не смогут остановить ее.

Но Ксения не жалела эту женщину. «Так ей и надо, чтобы не лазила по чужим карманам», – думала она, не собираясь прощать воровку. И сомневалась: а вдруг, все-таки, это не она? Грех наговаривать на невинного человека.

Артур был не умалим.

– Тварь! Жалкая тварь! Ты меня слезой не прошибешь. Какая умная. Как деньги сдавать, она плачет. Давай деньги, говорю. Каждый день норму не выполняешь. Гадюка! Чего молчишь? У тебя, сука, спрашиваю, где деньги? Норма твоя, где? Мы чего, тебя кормить обязаны? – Артур встал, размахнулся и с силой врезал кулаком Фаине под правый глаз.

Фаина не вскрикнула, не заплакала. Удар приняла как должное, только от боли закрыла подбитый глаз руками.

– Да она опять к детям своим ходила. Небось им и отдала деньги, – из прохода, из толпы собравшихся, выкрикнула какая-то женщина захмелевшим голосом.

Фаина на нее глянула так, будто хотела разорвать выскочку на части и даже что-то проговорила тихо, похожее на проклятие.

Артур нахмурился.

– Чо? Детям отдала? – переспросил он, недоброжелательно уставившись на Фаину. – У-у, падла. Тебя ведь лишили материнства. А ты, значит, все равно домой бегаешь? Ну тогда вали отсюда. Вали к своим детям. Пусть они тебе жрать дают. А мне ты больше не нужна, – заорал он, и вскочив с лавки, врезал еще пару раз Фаине по лицу кулаком. Потом схватил ее за ворот куртки и поволок к двери, пиная ногами на ходу и матерясь.

Фаина даже не сопротивлялась, не просила о пощаде, только беззвучно плакала. И слезы ее были такими же горькими, как и вся ее жизнь.

Ксения едва вытерпела, чтобы не вмешаться. Так обращаться с женщиной. Вот бы врезать этому Артуру по его фейсу, поставить пару фингалов. Пусть Фаина и с грешком, но нельзя же так.

Наблюдавшие за этой экзекуцией гаремовские наложницы стояли угрюмые и молчаливые. Никто в защиту проштрафившейся Фаины даже не проронил ни слова. «Ну, как хотят, – решила про них Ксения. – А я терпеть такое не стану», – и хотела сказать Артуру пару слов. Но тут рядом с ней очутилась горбатенькая старуха и крепко стиснув Ксению руку, зашептала на ухо:

– Не перечь ему. Не связывайся. Только хуже сделаешь себе и Фаине. Он обозлится и разойдется еще больше. Да и Файку он уже не первый раз выгоняет. Разозлится, выгонит. А потом отойдет и ничего. Он мужик добрый. Ты вряд ли тут у нас долго проживешь. Пришла и ушла, а нам жить с ним. Так что не лезь, потерпи. А Фаина сама виновата. Деньги детям таскает. А если ей тут не нравится, пусть уходит. Ты еще многого не понимаешь в нашей жизни. Поэтому лучше не встречай. И все образумится само собой, – философски закончила она.

Артур вытолкнул Фаину из вагона.

– Пошла отсюда, тварь. И чтоб ноги твоей больше здесь не было. Иди, куда хочешь, – сказал он и захлопнул дверь.

Ночь была сырая и прохладная.

Ксения выглянула в окно и увидела, что Фаина не ушла. Наверное ей некуда было идти. Она сидела на шпале, опустив голову и маленькой, похожей на детскую ладошкой, смахивала слезы с лица. Огонек сигареты освещал ее грустное, заплаканное лицо.

Глядя на татарку Фаину, в душе у Ксении возникало два чувства, которые никак не могли ужиться между собой. С одной стороны, она подозревала Фаину в воровстве, а с другой – жалела. Хотя, что касается первого: не поймана, стала быть еще не воровка. Да и доказательства у Ксении на этот счет никаких. А вот жалость в ней была всегда. Всегда жалела тех, кому хуже ее. А Фаине сейчас уж точно не лучше.

Ксения надела пальто и выйдя из купе, прошла по коридору.

Кажется, все обитатели гарема уже спали. Или почти все. И в вагоне было тихо. Но вот Артур уж точно не спал. И проходя, Ксения слышала, как он с кем-то разговаривал по мобильному телефону. Но прислушиваться о чем он болтает, не стала. Да и какое ей дело

до этого Артурчика. Такого увидеть Ксения не ожидала и дала себе слово, что жить в его гареме она не будет.

Открыв дверь, она вышла из вагона.

– Фаина?! – позвала она татарку, но та даже не обернулась. Тогда Ксения подошла, села рядом. – Пойдем, Фаина. Холодно ведь. Ты что, в самом деле собираешься вот так сидеть здесь всю ночь? Замерзнешь. И темно, – Ксения посмотрела по сторонам, опасаясь бродячих собак, которых тут в округе было полным полно. – Хватит, Фаина. Пошли.

– Не пойду я. Отвяжись, – жалобно всхлипнула татарка. Не привыкла она к жалости, чтобы кто-то ее вот так, как Ксения жалел. Даже расплакаться захотелось еще больше. И чтобы такого не произошло, Фаина решила нагругить беременной девушке.

– Чего пристаешь? Чего тебе надо? Нашлась тоже жалостливая. Иди отсюда, – кивнула Фаина на дверь вагона.

Но Ксения просто так уходить не собиралась.

– Фаина, перестань. Ну что ты как маленькая. Холодно. И ночь уже. Пойдем в вагон. Все спят, – попыталась Ксения уговорить татарку. Но та как видно оказалась упрямой.

– Сказала не пойду. Все равно выгонит. Вон он в окно пялится, сволочь одноглазая, – Фаина бросила на окно купе Артура ненавистный взгляд и отвернулась. Так ей сейчас было противно видеть падишаха.

Ксения обернулась.

Артур сидел в своем купе у окна и смотрел на них. Вспыхивающий огонек сигареты освещал его самодовольное лицо. Ксения разглядела на нем усмешечку.

Фаина плюнула в его сторону.

– Скотина. Сидит на наших шеях. Сказочки нам про дом загибает, а сам с малолетками по ресторанам таскается. Сколько раз сама видела, а попробуй скажи. А знаешь, как эти деньги достаются? Ходишь по электричкам, клянчишь. На тебя глядят как на последнюю тварь и подают не от доброты, а от жалости к твари. погоди, еще узнаешь, – пообещала Фаина, зло ухмыльнувшись.

Ксения почувствовала как по телу пробежала дрожь.

– Я? – испуганно произнесла она.

– А кто же, – оскалилась в улыбке Фаина. – Ты думаешь, он тебя так сюда привел. За красивую мордашку. Задорма держать будет? Во-о, – татарка скрутила кукиш, поднесла его к лицу Ксении, чтобы та получше разглядела. – Видала? – спросила она про кукиш.

Ксения не ответила, хотя к такой грубости и не привыкла. Но что делать. А татарка продолжила:

– Морду он тебе разукрасит и вперед.

– Я...я, не пойду, – воспротивилась Ксения такому заключению татарки. Только того и не хватало, чтобы какой-то ублюдок ей морду красил.

Но татарка настойчиво кивнула.

– А куда ты денешься? Пойдешь.

– Еще чего. Да я не смогу вот так ходить и клянчить.

Фаина ехидно усмехнулась.

– Сможешь. Как миленькая. Жрать захочешь и пойдешь.

– Да я лучше уйду, – не сдавалась Ксения. Просто не представляла да и не хотела представлять себя в роли попрошайки. А насчет того, чтобы уйти, сказала не слишком убедительно.

Фаина сунула в рот окурок, затянулась.

– А куда тебе идти?

Ксения из-за принципа решила не отступать. Хотя пока окончательного решения уйти еще не приняла. Все заключалось в паспорте. Прав этот Артурчик, без паспорта она никто. Бомж. Или его рабыня, что по сути немногим лучше.

– Все равно куда, но уйду. Жаль только паспорта у меня нет. Там на вокзале, когда ты ко мне подходила, кто-то украл у меня паспорт... – Ксения пытливо глянула на татарку, но та постаралась отвести глаза в сторону и ничего не ответила. – Он обещал помочь мне с паспортом.

– Неужели ты не поняла, ему нужен повод привести тебя сюда, – кивнула татарка на окно купе, в котором торчала голова хозяина гарема. – Вот он своего и добился. А помочь тебе он вряд ли захочет. Все он, гад, рассчитал. Заработать на тебе решил. Беременной не откажут, подадут, если слезливую историю расскажешь.

– Сейчас, – Ксения не хотела мириться со своей участью попрошайки. Но Фаина как знающий человек, решила остепенить ее пыл.

– Вижу девка ты с характером. Но пока лучше характер свой попридержи, – посоветовала она. – До тебя была тут одна крутая с норовом. Взялась права качать...

Ксения прониклась уважением к той неизвестной ей особе, которая не захотела подчиняться Артурчику.

– Молодец – она, – похвалила ее Ксения.

Фаина кивнула с усмешкой.

– Еще какая молодец. В милицию ходила на Артурку жаловаться. Мол, шайку он из калек сколотил. Социально опасный тип для общества. Примите меры. – Фаина замолчала, старательно раскуривая уже успевший подзатухнуть окуроч. А Ксения терпеливо ждала, пока татарка продолжит. И видя, что Фаина не торопится продолжать, спросила:

– Ну и что, приняли?

– Электричкой ее задавило, – сказала Фаина, преспокойно покуривая. Для нее в том что случилось со строптивой девицей ничего особенного не было. Ожидаемый конец. А вот Ксения такого поворота в судьбе девушки, пожелавшей восстановить справедливость, не ожидала.

– Какой ужас, – произнесла она, подозрительно глянув на окно, за которым маячил силуэт Артура.

– Вечером, когда она шла, двое ее встретили на путях. Деньги отобрали. Бутылкой по голове заехали и под поезд. Я видела как все было. Следом шла. Так они мне пообещали, если вякну, тоже самое сделают. Вот какие у нас тут порядки. А ты говоришь, паспорт.

– Если бы он у меня был, я бы тут и минуты не осталась, – пообещала Ксения.

Татарка внимательно посмотрела на нее, покачала головой.

– Ох упрямая ты. Но язычок свой лучше попридержи и впредь ни с кем не откровенничай, – посоветовала она и поевившись от холода сказала: – И знаешь что, ты иди в вагон. А то и в самом деле, холодно что-то. Тебе беречься надо. Ребенка можешь застудить.

– А ты? – спросила Ксения, чувствуя, что холод уже начал ее пробирать.

– Я потом приду. Скотина эта одноглазая заснет, я и приду, – ответила Фаина.

Глава 7

Ксения открыла глаза и увидела, что Фаина сидит уже одетая. И поняла, татарка давно дожидается ее пробуждения. Вокруг ее правого глаза красовался здоровенный темный синяк, глядя на который, Ксения воскликнула негодуя:

– Фаина!..

Но похоже сама Фаина не очень-то расстраивалась по этому поводу, как человек давно привыкший к такому обхождению. И даже махнула рукой, чтобы и Ксения особенно не придавала значения. Сказала с усмешкой:

– Это дополнение к одежде. Он считает, так наша работа будет результативней. Ну и чтоб я не забывала, кто хозяин мой. – Произнесено это все было легко, с иронией. Но на Ксению эта ирония не подействовала. Она еще толком не отошла от сна, сидела потирая глаза. Умыться бы, привести себя в порядок, да тут с этим, похоже, целая проблема. Воды не хватает.

Татарка сняла с вешалки ее пальто.

– Давай, собирайся. За тобой прислал. На работу пойдем, – сказала она не меняя тона.

Не понятно, что сейчас больше подействовало на Ксению. Та интонация, в которой татарка произнесла все это, или желание не подчиняться Артурке и не стать гаремовской жертвой, но Ксения решила, что сейчас же пойдет и выскажет этому слизняку все, что о нем думает. И немедленно.

– Он прислал тебя за мной? – переспросила она, одеваясь.

Фаина кивнула, с интересом наблюдая за реакцией девушки.

– Он у себя в купе? – спросила Ксения, стараясь сдерживать себя от лишних эмоций. Хотя это было и нелегко. Она чувствовала себя на взводе. Ее сущность негодовала, противилась происходящему.

– А где ж ему еще быть? Бухгалтерию ведет, гнида. Все никак доходы не пересчитает. Горбатую решил оставить за сторожа тут, а тебя велел с собой взять.

Ксения не стала дослушивать, выскочила в коридор.

Артур сидел за столом у окна и что-то записывал в тетрадь, которую тут же закрыл, стоило лишь Ксении войти. Он сразу все понял, особенно то, зачем девушка пожаловала сюда. Но будучи человеком хитрым, сразу сумел взять инициативу в свои руки. Нашел подходящие слова. И слушая его, у Ксении создалось мнение о себе, будто она обыкновенный трутень, раз не хочет помочь униженным и обездоленным людям.

– Ты ведь пойми меня правильно, – обратился он к ней, не давая Ксении и рта раскрыть. – Оглянись. Посмотри. Женщины, калеки на костылях, ходят, просят милостину, чтоб с голоду не умереть. Экономят на всем. Даже на своем здоровье, чтобы построить наш общий дом, черт бы его побрал. А ты не хочешь. Надо, Ксюша. Тебе ведь рожать скоро. На пеленки, распашонки тоже деньги нужны. А где их взять? Думаешь государство о тебе позаботится, поможет? Как бы не так. Не надейся.

Ксения молчала. Черт бы побрал этого Артура. Если вдуматься, этот негодяй прав. На помощь государства ей рассчитывать не стоит. Вон ее, выкинули из общаги как собаку. Сказали, чтобы ехала домой. А дома что лучше? Там и без нее у матери ртов хватает. И получается, Артур все говорит по существу. Хотя это как раз Ксению и злило, она не знала, что ему сказать в ответ. Вроде как все, что хотела высказать, теперь самом собой утратило смысл.

– В нашем деле ничего постыдного нет, – сказал Артур, как показалось Ксении, с некой гордостью. – А потом, я же тебя воровать не заставляю. И себя продавать тоже. Подали –

спасибо. Нет – иди в другой вагон. Вот и все. И никакого особенного напряжения. Ты попробуй. Увидишь, как деньга посыпется.

Ксения чувствовала, ее лицо будто огнем горит. Уговаривать Артура ее долго не пришлось. Деваться Ксении было некуда. Пришлось принять его условия. А все из-за этого проклятого паспорта. Но она не отказала себе в удовольствии, чтобы не затронуть самолюбие падишаха Артурчика.

– Скажи, а сколько еще надо собрать денег на этот дом? Может ты из своих добавишь? Ведь наверняка у тебя заначка есть, – припомнила Ксения Артура его бумажник набитый долларами.

Артур нахмурился.

– Не твоё дело.

– Может и не мое, – не стала Ксения давить на откровенность, тем более от такого человека ее вряд ли дождешься. – Знаешь, что бы ты не заливал про недостроенный дом, я в нем жить не собираюсь. И по электричкам ходить и кланчить я тоже не хочу. Понял? – Произнесено это все было довольно в резкой форме. Но Артур как будто бы не заметил этого ничего. Только покачал головой.

– Ну что ж, в таком случае, иди на завод. Работай там, – посоветовал он.

– Да я лучше... – начала было Ксения, но Артур решил прекратить ее противостояние, посчитав его обыкновенным выпендрежем. Сказал:

– Хватит. Иди с Фаиной и не артачься. И вообще, поменьше ты гонор свой показывай. Девка ты красивая. Хочешь, за границу тебя увезу. Как королева жить будешь. Ты не думай, деньги у меня есть.

Ксения посмотрела на Артура так, что тот поспешил вернуться к тому, зачем пригласил ее к себе:

– В самом деле... Я же не посылаю тебя кирпичи таскать. И вообще, в твоём положении... Одним словом, додумывай все сама. Но раз пришла ко мне, делай, что велю. Не отказывайся. Фаина тебя обучит профессии. Иди, – он махнул рукой и отвернулся, давая понять, что занят. И не заметил, как стоящая возле открытого сейфа татарка Фаина, что-то быстро схватила из него, сунув в свой карман и отошла.

Ксения тоже не заметила этого, потому что ей сейчас было вообще не до того, чтобы подглядывать за кем-то. Выглядела она сейчас крайне расстроенной, потому что ничего хорошего не ожидала. Только не хватало ходить по электричкам и просить подаяние. До чего она докатилась. После такого, сама себя уважать перестанет.

– Ну что, подруга, пойдем, – сказала ей татарка, тихонько подталкивая к выходу. И когда Ксения отвлеклась, она достала из своего кармана то, что вытянула из сейфа Артура, и незаметно для девушки, сунула ей в наружный карман пальто.

– Пойдем, пойдем, – поторопила она Ксению, видя, что та сопротивляется и намеревается что-то еще сказать Артуру. – Раз хозяин велел, – нарочно погромче сказала она.

Услышав это, Артур улыбнулся. Зашедшая в купе, горбатая старуха покачала головой.

– Ты что, влюбился в эту девчонку? – спросила она.

Артур ответил не сразу. Мечтательно глянув в окно, потом сказал:

– А что. Вот возьму и женюсь на ней. Знаешь, мне нравятся такие с характером. Они темпераментные. В постели облакают будь здоров.

Старуха осуждающе покачала головой.

– Она красивая. А красивые женщины приносят несчастье, – попыталась она очернить Ксению. Но Артур на это только равнодушно махнул рукой.

– Перестань. Предрассудки все это.

– А как же тогда мы? – озабоченно спросила она. – Ты уйдешь с ней, а мы?

Артур успокоил.

– Не переживай. В стороне не останетесь. И хватит, бабка, отвлекать меня. Видишь, я делом занят, – сердито произнес он и уткнулся в свою тетрадь, выводя авторучкой цифры.

– Ты главное не отставай, – провела Фаина необходимый инструктаж, когда они пришли на платформу и стали дожидаться электричку.

Рядом толпились люди и никто из них пока еще не обращал внимания на беременную девушку. Но Ксения уже чувствовала стыд и была готова провалиться сквозь землю, лишь бы никого не видеть. Никогда представить не могла себя, что вот так придется ходить по вагонам и просить подаяние.

– И живот свой выпячивай. Пусть люди видят. Лучше подавать будут, – поучала ее татарка Фаина азам своего мастерства.

Ксения молчала. Все что сейчас говорила Фаина, доходило до нее далеким эхом. И проходило, и где-то там в стороне голос ее таял. По крайней мере, Ксения ее не слышала, ничего не ощущая в душе кроме пустоты. Все казалось бессмысленным и бесцельным, как и сама жизнь. И даже если б время сейчас время остановилось, Ксения ни на грамм не пожалела об этом. И пускай не будет ничего и никого вокруг.

Когда подошла электричка, она испуганно схватила Фаину за рукав куртки.

– Может не поедem? Плюнем и не поедem, а?

Фаина вырвала рукав, уставившись на Ксению изумленными глазами.

– С ума сошла? Хочешь, чтобы он и тебя поколотил. Ладно я привычная. А тебе еще ребенка надо доносить. Давай, залазь, – строго сказала татарка, подталкивая Ксению к дверям. – Если мы с тобой не поедem, где тогда деньги возьмем?

– Да плевать на деньги, – буркнула Ксения скорее машинально. Как раз сейчас о деньгах она думала меньше всего.

Но как оказалось, Фаина была другого мнения.

– А это ты видела? – показала она свой фингал вокруг глаза. – Хочешь, чтобы рядом точно такой же был? Нет уж. Лучше поедem.

Старичок в коротком полушубке и в спортивной шапке с рюкзаком на плече попытался заскочить в вагон вперед Ксении и тут же крупно пожалел об этом. Фаина наскочила на него как коршун на цыпленка. Заорала хриплым пропитым голосом:

– Ты куда, плешиный, лезешь? Смотри, если толкнешь! – пригрозила она, показав старику кулак.

Старичок испуганно отшатнулся в сторону, ни слова не проронив в ответ, пропуская вперед беременную девушку и ее сопровождающую.

Ксения чувствовала ноги ее не идут в вагон, и если б сзади ее не подталкивает Фаина, она повернула бы назад и выскочила. Татарка тихонько нашептывала Ксении на ухо:

– Иди, иди. Все путем будет. Вот увидишь. Привыкнешь.

Но Ксения ничего видеть не хотела и тем более привыкать. Вошла вся бледная, словно ее три дня не кормили. Казалось, все только и смотрят на нее, а она глаз не могла оторвать от пола. Так было стыдно за свое унижение. И ощущение было такое, будто она осталась там в тамбуре, а за Фаиной в вагон вошла совершенно другой человек, всего лишь внешне похожий на нее. Ее двойник.

– Люди добрые, – жалостливо запричитала татарка, исправив хрипоту в голосе. – Храни вас Господь! Подайте ради Христа обделенным судьбой женщинам. Обворовали нас. Жить не на что. Куска хлеба купить не можем. А ей скоро рожать. Помогите, кто сколько может. Господь вам воздаст за вашу доброту.

Ксения чтобы не отстать, уцепилась за хлястик Фаиной куртки. Со стороны она, наверное, казалась не совсем нормальной. Лицо бледное. Глаза навекат. Взгляд отвлеченный, устремленный в пол. Идет, едва передвигая ноги.

Один пожилой мужчина показал на Ксению пальцем и сказал сидящей рядом женщине:
– Девка-то, кажись, с приветом. А беременная. Вот кого она родит?

Женщина не ответила. На Ксению она смотрела с сочувствием и даже подала Фаине сторублевку.

Наблюдая за этим, мужчина снисходительно ухмыльнулся, решив все-таки договорить то, чего так ему не давало покоя.

– Себе подобного, она родит, – договорил он.

Проходя мимо, Ксения услышала нелицеприятное высказывание в свой адрес и показала мужику язык. Тот возмутился, завопил как ужаленный:

– Нет, вы видали? Эта дрянь как себя ведет.

– Не обращай внимания, – шепнула Фаина и как поводырь повела Ксению дальше по вагону.

Потом они зашли в другой вагон, в третий... Ксения уже сбилась со счета, сколько вагонов они прошли. От волнения и усталости, она испытывала легкое головокружение. И ребенок вел себя беспокойно. Ксения чувствовала его интенсивные толчки. Поэтому когда электричка остановилась, она вышла на платформу.

– Ты куда? – крикнула татарка и едва успела выскочить, как двери закрылись. На удаляющуюся электричку она смотрела с сожалением и рассердилась на Ксению.

– Чего тебя понесло? Смотри, сколько мы собрали, – достала она из кармана зажатые в кулаке десятки. – А ты оказывается удачливая. Прав Артур был, что привел тебя.

Ксения посмотрела на татарку и ничего не ответив, подошла к скамейке и села. После душного вагона, уличный воздух казался освежающим. Она втягивала его не только носом, но и ртом и все равно не могла досыта надышаться.

Фаина плюхнулась рядом. Достала из кармана пачку дешевых сигарет. Закурила.

– Нам так хорошо подавали. А ты... Он тебя не пустит в вагон, – предупредила она Ксению, склоняя к тому, что им лучше ехать, а не сидеть тут.

– Да плевала я на него. Вместе с его вагоном, – ответила Ксения после того, как немного отдышалась.

Татарка осуждающе покачала головой.

– Правильно мужик сказал, с приветом ты.

– Какая уж есть, – сказала ей Ксения. – Только больше я с тобой по электричкам ходить не буду. Извини. Не могу я.

Фаина вздохнула.

– Ну ты девка, даешь. Первый раз я встретила такую упертую как ты.

Ксения устало поднялась со скамейки. По привычке сунула руки в карманы, и вдруг на лице ее отобразилось крайнее изумление. Из правого кармана она достала паспорт.

– Ничего не понимаю, – проговорила удивленно.

Татарка докурила сигарету, швырнула окурочек в урну.

– А чего тут понимать? – сказала она как бы так.

– Паспорт...

– А что паспорт? – новость о найденном в кармане паспорте, оставила татарку равнодушной.

– Но ведь его у меня не было. Его украли...

– Это ты так думаешь, – сказала Фаина уверенным голосом. – А на самом деле, может его и никто не крал. Может у тебя в кармане дырка. Вот и провалился он в нее.

Ксения опять сунула руку в карман.

– Дырка конечно есть... Но она маленькая. Вряд ли паспорт пролезет в нее.

– Тогда чего ты там шаришь? – поинтересовалась Фаина.

– Так может и деньги там, – доверительно произнесла Ксения и не заметила, как татарка Фаина отвернувшись, улыбнулась. Когда-то она была неплохой карманной воровкой. И вложить украденный паспорт обратно Ксении в карман, было одним из эпизодов ее мастерства, которое она с годами ничуть не утратила. Даже порадовалась, подбодрив себя улыбкой. Только зря Ксения ищет в кармане еще и деньги. Фаина их давно потратила. И чтобы не тратить время зря, предложила девушке:

– А знаешь что, поехали на Курский.

Убедившись, что денег в кармане нет, Ксения вздохнула. На Фаину глянула подозрительно. Простушкой эту татарку не назовешь. Еще та штучка. Себе на уме.

– Да ладно тебе, – махнула рукой Фаина прикидываясь смиренной скромницей начисто лишенной каких бы то не было грехов. И чтобы Ксения отвязалась, спросила:

– Ну так поедешь или тут останешься? – Голос теперь у Фаины звучал доверительно.

– Можно, конечно, поехать. Только, чего там мы потеряли? – спросила Ксения повеселев от находки, и все еще держа паспорт в руке. В карман, пусть и с небольшой дыркой, положить его боялась. Ну как опять пропадет. А везение не повторяется дважды.

– А ты спрячь его во внутренний карман, – предложила Фаина, по опыту зная, откуда достать его сложнее. Но сейчас она думала не о паспорте Ксении. Паспорт что, вот он вернулся к законной владелице. Фаину сейчас волновало другое.

– Понимаешь... – начала она и замялась, и видя это, Ксения настойчиво потребовала:

– Давай, говори, раз уж начала. А то точно не поеду, – решительно заявила она.

– Да тут в общем-то, ничего такого, – пожалала худыми плечиками татарка. – Просто я там должна встретиться с сыном. Обещала я, – добавила Фаина, опасливо глянув на Ксению, как она к этому отнесется. Вдруг расскажет Артуру. Тогда опять можно схлопотать по морде от этого урода.

Но, как оказалось, Ксения и не думала стучать на Фаину.

– Еще чего, – твердо сказала она. – Можешь не беспокоиться. Никто не узнает. И вообще, чего мы тут топчемся? Едем, – кивнула она на подошедшую к платформе электричку.

Темнеть стало как-то уж очень быстро. Вот вроде был день, надежд особых Ксения от него не ждала, но очень хотелось, чтобы он был длинным и бесконечным. Но когда они приехали на Курский вокзал уже зажглись фонари. А по скверу, куда Ксению повела татарка, расплзались сумрачные тени высоченных деревьев.

– Там на лавочке посидим, – кивнула Фаина в глубину сквера, до которого оставалось пройти не меньше пятидесяти метров. Только и всего-то, пересечь дорогу да перейти трамвайные пути. И они уже шагнули с тротуара, как вдруг за спиной раздались хлопки. Всего два. Один и тут же второй. Как будто кто-то хлопнул в ладоши.

Они остановились. Фаина обернулась первой. За ней и Ксения. Увидели, как подошедший к джипу человек в черном пальто сначала раскинул в стороны руки, а потом стал падать. При этом он опрокинулся спиной на капот джипа и теперь медленно сползал по нему на асфальт. Барсетка, которую он до этого держал в правой руке, отлетела в сторону.

– Чего это? – недоуменно спросила Ксения. Хотя вопрос ее был в данном случае не совсем уместным, потому что тут же они с Фаиной увидели убийцу, в кожаной куртке и черной спортивной шапке. Правда лица его рассмотреть не удалось. Убийца отвернулся.

Подскочив к упавшему на асфальт человеку, он выстрелил еще раз. В голову лежащему. После чего быстро без лишней суеты зашагал к стоявшей с заведенным двигателем «девятке» красного цвета, запрыгнул в нее, и дав по газам, уехал.

– Вот так, легко и просто обрывается человеческая жизнь, – сказала Фаина. На ее лице отобразился оскал похожий на злую улыбку. По лицу было видно, татарка что-то задумала. Она нахмурилась, и оттого ее не промытая физиономия приняла озабоченное выражение.

– Постой-ка тут, – сказала она Ксении и сорвавшись, побежала к валявшемуся возле джипа застреленному человеку.

– Фаина! Ты куда? Постой! – окликнула Ксюша татарку. Но это Фаину не остановило. Получилось так, что прохожих возле убитого еще не было. И Фаина решила не упустить шанс и хоть чем-нибудь да поживиться. Подбежав к убитому, она схватила его барсетку. Конечно, нелишне бы и пошарить по карманам, но время на это не было и потому Фаина, пригибаясь, как будто и в нее могли стрелкнуть, кинулась назад, к поджидавшей ее Ксении.

– Чего ты стоишь, как столб, – напустилась она на растерявшуюся девушку.

– А чего мне делать? – не поняла та.

– Сваливаем отсюда по-быстрому. – Она схватила Ксению за руку и рискуя оказаться под колесами пролетающих автомобилей, потащила ее через дорогу. А позади, перекрывая шум машин, уже кто-то истошно завопил:

– Убили человека! Вызовите милицию!..

– Чего теперь их вызывать, когда человека уже нет, – сказала Фаина отрывисто дыша, когда они уже оказались в сквере, который надежно скрывал их от посторонних глаз. Она все еще держала Ксению за руку. Другой рукой вцепилась в барсетку, прижимая ее к груди, словно опасаясь что вот сейчас появится кто-то, кто захочет отобрать добычу. А за нее татарка была готова выцарапать глаза. Но оглядевшись по сторонам и поняв, что тут они одни, Фаина немного успокоилась.

Ксения не одобрила этот поступок татарки и потому сказала прямо:

– Фаина, как ты могла?

Татарка зло сверкнула на нее своими маленькими с прищуром глазенками.

– А ты что хотела, чтобы ее подобрал кто-нибудь другой. Ты думаешь все такие правильные как ты?

Вопрос несколько смутил Ксению. Вот уж никогда себя правильной-то она и не считала. Скорее, наоборот, о чем она и не раздумывая заявила татарке.

– Вот тогда лучше ничего и не говори. Просто помолчи, – сказала на это Фаина. – Тому мужику теперь уже ничего не нужно. А нам это, – показала она барсетку, – может и пригодится. Ты не видела, какой у него на пальце болт с бриллиантом. Жаль времени не было стащить его с пальца. Да и по карманам бы пройтись не мешало. Как думаешь? – спросила Фаина у Ксюши.

Ксюша не ответила. Стоя тут в сквере, она наблюдала за тем, что творилось там, возле человека, которого только что застрелили на ее глазах. И Ксении его почему-то было жалко. Хотя она и не знала, плохой он или хороший. Но чему удивляться, когда с легкостью убивают и тех и других.

В отличие от нее, как оказалось, татарка была лишена сантиментов.

– Раз убили, значит, есть за что, – заявила она, потроша барсетку. В ней она нашла документы на машину и ключи с брелком сигнализации. Отложила в сторонку. Ни то ни другое для нее сейчас ценности не представляло. Другое дело бумажник туго набитый сто долларовыми купюрами.

– Ничего себе, – удивленно воскликнула Фаина, тут же принимаясь пересчитывать баксы. – Пять тысяч долларов. Вот это улов. Такое мне и во сне не снилось. А тебе? – спросила она у молчавшей Ксюши.

Ксюша не ответила, увлеченно наблюдая за той суетой возле трупа.

Заметив, куда она смотрит, татарка сказала:

– Судьба ему видать такая. Упокой его душу Господи. Во, сколько деньжищи нам оставил, – потрясла Фаина пачкой купюр, в которой были не только доллары, но и российские тысячерублевки.

Еще в бумажнике лежал паспорт и клочки бумаги, на которых было что-то записано.

– Надо бы документы вернуть, – предложила Ксения. – Так милиционеры быстрее узнают его фамилию и адрес. Наверняка, у него остались родственники. Жена... дети...

Татарка досадливо покачала головой.

– На, иди, верни, – вложила она бумажник в руку Ксюше. – Ну чего ты ждешь? Иди.

– Ну и пойду, – обидчиво произнесла Ксения, поднимаясь со скамейки. Но татарка остановила ее.

– Ты что сдурела? Тебе своих проблем мало? От ментов просто так не отделаешься. И что ты ответишь, когда тебя спросят, как документы убитого попали к тебе. Не суетись, подруга. Сядь. Лично я неприятностей не хочу. И тебе не советую. Лучше выброси этот бумажник. А барсетку мы сбагрим кому-нибудь. Она совсем новая. Вон сколько нам с тобой сегодня обломилось. Теперь не страшно. Есть чего Артуру отдать.

Ксения встала со скамейки.

– Да плевала я на вашего Артура. Я к нему не вернусь.

– Как?.. – татарка от удивления раскрыла рот. – Ты что? И куда же ты пойдешь?

Девушка не ответила на это. Ксения и сама не знала, куда уйдет.

– Прощай. Я уйду, – сказала она, ступая на занесенную снегом тропинку петлявшую среди деревьев к ближайшему выходу из сквера.

Поначалу Фаина посчитала, что девочка всего лишь показывает свой характер. Приезжая беременная, к тому же в чужом городе, где у нее нет родных и близких. Куда она пойдет. Но вдруг поняла, что Ксюша не рисует. Она говорила правду. И она уходит.

– Стой! Ксения, стой. Да подожди ты! – Фаина соскочила со скамейки и кинулась догонять Ксению. Догнала уже на выходе из сквера. – Подожди. Ух, упертая ты.

Ксения остановилась. Обернулась. Если татарка хочет попрощаться, так они уже вроде друг другу все сказали. Больше и добавить нечего. Каждый из них выбрал свой путь. Ксения уходит в неизвестность. А Фаина не хочет менять свою жизнь и вернется к Артуру.

Но все оказалось иначе.

– Вот на, возьми. Тебе деньги пригодятся, – отсчитала татарка полторы тысячи долларов и несколько тысячерублевок. – Бери, бери, – сунула она деньги Ксении в руку, видя, что та готова отказаться. И больше ничего не говоря, отвернулась и медленно пошла к той самой скамейке, на которой они с Ксенией только что сидели.

– Фаина?! – позвала Ксения, но татарка не обернулась. Только вскинула руку, будто махнув на прощанье и с тем скрылась в темноте.

– Прощай, Фаина, – сказала Ксения и пошла.

Навстречу ей с улицы к скверу вышел худенький паренек лет одиннадцати. Поравнявшись с Ксюшей, он приостановился, внимательно посмотрел на беременную девушку. Ксюша сразу догадалась, что это тот самый Фаинин сын, которого татарка поджидала. Лицом он как две капли воды был похож на мать.

Выйдя из сквера, Ксения обернулась. Посмотрела.

Паренек подошел, сел рядом на скамейку. Фаина обняла его и поцеловала. Они о чем-то стали разговаривать. Думать о грустном не хотелось и Ксения поспешила уйти.

Глава 8

Темной холодной ночью она бродила по улицам, засматриваясь на редкие светящиеся окна в домах, где хозяева еще не спали. Так хотелось позвонить к ним и попроситься переночевать. Даже согласна как собачонка возле порога на коврик в прихожей. Всего лишь одну единственную ночь, лишь бы не на улице. А утром чуть свет она уйдет. Вспоминала татарку Фаину. Та сейчас наверное спит в своем купе, завернувшись в цветастое одеяло. Рядом была постель, которую Артур выделил ей. И она бы сейчас спала, пусть и не совсем в комфортных условиях, но все-таки в тепле. Но тут же Ксения прогнала от себя эти мысли. Ведь это она сама решила уйти от Артура, а значит, нечего теперь жалеть о прошлом. Лучше подумать как быть дальше. Ведь надо же где-то переночевать.

Обессилив совсем и едва передвигая ноги, она остановилась, увидев в окне пятиэтажного дома на первом этаже мужчину и женщину. Окно в кухне было не занавешено. Они сидели за столом и разговаривая, пили чай из точно таких же чашек, какие были дома у матери.

Заглядевшись на них, Ксения долго стояла напротив окна, а потом не вытерпела и пошла в подъезд. К счастью он оказался с испорченным домофоном и не заперт. «Ну неужели им так жалко, если я всего одну ночь пересплю у них на полу», – думала она, боясь, что вдруг вот сейчас потеряет сознание и упадет прямо здесь на улице.

Она поднялась по лестнице, подошла к двери, за которой хозяева еще не спали и протянула руку к звонку. Но нажать на кнопку так и не решилась. И рука дрогнув, опустилась. Зачем им это? И вряд ли они захотят связываться с беременной девушкой, у которой пузо на нос лезет. Впусти, вдруг ей рожать приспичит. Им уж точно не до ее проблем.

Часа два Ксения просидела на площадке первого этажа, прислонившись спиной к батарее. Не сказать, что отогрелась совсем, но знобить ее как будто бы перестало. И это уже было хорошо. Даже ребенок успокоился. И может быть, так и осталась бы она здесь до утра, но вдруг входная дверь отворилась и в подъезд вошел человек в пятнистой форме. Вроде бы не мент, потому что мент уж точно бы стал докапываться, чего она тут делает. А этот не стал. Только глянул как-то подозрительно и потопал по лестнице вверх, стуча подкованными каблуками по ступенькам.

Ксения решила уйти. Вдруг тип в пятнистой форме возьмет да и позвонит в милицию. А с ними ей встречаться лишний раз ни к чему. Не нужны ей разборки в милиции. Да и Галину Сергеевну воспиталку подведет. Ведь та уверена, что Ксения уехала. И даже не догадалась она ни о чем, когда Ксюша позвонила ей с вокзала, сказала, что все нормально и до дома доехала хорошо. Знала бы толстушка, что никуда ее подопечная не уезжала. Интересно как бы отреагировала.

Очутившись на той улице, где находилось их общежитие, Ксения с завистью глянула в темное окно, за которым в комнате спали ее подруги. «Вот было бы здорово, если бы я как Коперфильд умела проходить сквозь стены», – с наивностью ребенка подумала она, но тут же и разозлилась. Хуже нет, когда вот так начинаешь себя жалеть. И она ушла.

В конце улицы, возле кинотеатра Октябрьский, почувствовала, что идти дальше уже не может. Совсем нет сил. Перед глазами стали вспыхивать неприятные черные пятна, а тротуар качаться как будто это плот на волнах. Испугалась. Такого с ней еще не было ни разу.

Напротив кинотеатра через дорогу стоял дом старинной застройки. Кажется его готовили под снос, но пока еще жильцов не выселили. Или же выселили, но не всех. Для Ксении сейчас это было не так важно. Важно другое: оба из двух подъездов в этом доме были с деревянными дверями и без домофонов. А значит можно войти в любой из подъездов.

Ксения вошла в крайний справа. Возле массивной металлической лестницы валялась огромная коробка. Скорее всего от холодильника. В темноте Ксюша точно не разобрала, но коробка оказалась сейчас как нельзя кстати. Из нее было решено устроить нечто постели. Ксюша затащила ее под лестницу и легла, сполна вдыхая прелести кошачьих испражнений, которых вокруг оказалось достаточно. Но это сейчас нисколько не омрачило ее настроение. Пусть. Котам тоже надо где-то греться. Главное здесь тепло и хоть на какое-то время можно расслабиться и вздремнуть.

Она с облегчением вытянула уставшие ноги и уже через минуту словно провалилась куда-то и засыпая тихо прошептала:

– И пусть кто-нибудь попробует мне помешать. – И тут же заснула.

Проснувшись она оттого, что кто-то спускался сверху по железной лестнице. Звуки при этом раздавались такие, словно этот кто-то старательно колотил палкой по медному тазу.

Ксения открыла глаза, выглянула из-под лестницы. Оказалось, что уже наступило утро. Узкая полоска света тянулась от неплотно закрытой входной двери прямо сюда под лестницу к ней.

Надо было вставать. А кроме того, не хотелось, чтобы тот, кто спускался, увидел ее лежащей тут на коробке. Тогда ее определенно примут за бомжа. Хотя с другой стороны, чего еще можно о ней подумать. Ведь теперь как не крути, а она самый что ни на есть настоящий бомж, каких кругом тысячи. Ночью такие прячутся кто куда может, а днем рассеиваются по городу. Теперь и ей самое время уйти отсюда.

Стыдясь, что ее увидят, Ксения быстро поднялась. Шаги по лестнице приближались и уже гремели где-то между вторым и третьим этажами. И скоро тот человек окажется здесь. Дождаться его появления она не стала. Наспех отряхнув свое замызганное пальто, она выскочила из подъезда. Юркнула за угол. Теперь можно было не спешить. Потому что спешить некуда. Никто нигде ее не ждет. И никому она не нужна. По крайней мере, так считала Ксения, выйдя из теплого подъезда и уходя в холод, опять бродить по городу. До девяти часов надо было как-то скоротать время.

Ровно в девять часов утра начинала работать женская консультация. Ксения уже была там несколько раз, на приеме у заведующей. Именно Лилия Станиславовна Квинт уговорила тогда Ксению отказаться от аборта, убеждая, что в случае неудачного исхода в дальнейшем у нее может вообще не быть детей. Советовала не волноваться и обещала помочь, если ситуация окажется совсем безвыходной. Вот она и оказалась. Такой безвыходной, что хоть волком вой.

– И что мне делать теперь? – задавала Ксения себе этот вопрос, не зная на него ответа. Будущее ей казалось безвозвратно потерянным. Надежда была только на Квинт.

Теперь Ксения сожалела, что тогда, поддавшись на уговоры врачихи и сохранила беременность. Лучше от этого Ксении не стало. Скорее, наоборот.

«Может быть Лилия Станиславовна как-то поможет. Она ведь такая добрая, внимательная к чужим бедам», – думала, наверстывая круг за кругом вокруг поликлиники, где находилось отделение женской консультации. Хотя сама и плохо представляла чем и как теперь Квинт может ей помочь.

«Вот как теперь быть, когда ни сегодня, завтра рожать. Ну а потом. Куда потом с ребенком деваться. Возвращаться к Артуру?» О возвращении к падишаху, Ксения старалась не думать.

– Пойду, объясню ей все, как есть, – Ксения решила на это пойти от отчаянья, припоминая обещание Квинт. Ведь тогда врачиха говорила, что когда Ксении придет время рожать, она поможет. Вот и пусть теперь помогает.

Без пятнадцати минут девять она появилась возле кабинета заведующей и обнаружила, что уже не первая здесь. На одном из стульев в коридоре сидела старуха вся из себя модная в меховом кожаном пальто, норковой шапке и с ярко покрашенными губами.

«Что, бабулька залетела?» – усмехнулась Ксения, стараясь хоть на время отвлечься от своих невеселых мыслей. Да и проблем. А проблема у нее сейчас одна. И заключалась она в том, чтобы попасть в кабинет вперед этой модной размалеванной старушечки.

Увидев девушку в помятом, грязном пальто, старуха с недовольным видом отвернулась. Только Ксении было наплевать на это. Она подошла, взяла свободный стул, поднесла его к самой двери кабинета и села, давая понять, что туда она намерена зайти первой и никому не уступит.

Старуха вытаращила глаза от такой наглости и уставилась на Ксению с ненавистью, что-то шамкая своими покрашенными губами. А Ксюша сделала вид будто не замечает ни того ни другого.

Минут через пять подошли две девушки, примерно такого же возраста как Ксения. Потом несколько женщин лет сорока и чуть постарше и ровно в девять возле кабинета заведующей образовалась длинная очередь в пол коридора.

Заведующая женской консультацией, чуть смугловатая, темноглазая красавица лет тридцати Лилия Станиславовна Квинт была очень общительной женщиной. Про таких говорят, что они могут запросто с кем хочешь найти общий язык. По крайней мере, женщинам приходившим к ней на прием, она очень нравилась. Всегда элегантно одетая по моде, стройная, приятной внешности, она располагала к себе людей. К ней можно было придти и поговорить о нелегкой женской доле, поделиться о своих заботах и что самое немаловажное, получить нужный совет, да и помощь. Особенно, если вдруг какая-нибудь супруга втайне от своего мужа забеременела на стороне. Лилия Станиславовна никому не отказывала в помощи.

Прислонившись спиной к стене, Ксения закрыла глаза и не заметила, как задремала. Пробудилась она оттого, что услышала мягкий и негромкий голос:

– Мне можно зайти в кабинет?

Ксения открыла глаза.

Перед ней стояла Лилия Станиславовна с ключом в руке. Свой стул Ксения поставила к двери так, что заведующая не могла зайти в свой кабинет, не разбудив ее. Теперь она стояла и выжидающе смотрела на Ксению.

Для начала Ксения отодвинула стул от двери. Потом проговорила несколько растерянно:

– Лилия Станиславовна... – покосилась на сидящую рядом старуху в кожаном пальто, на сидящих девушек и запнулась. Не хотелось здесь в коридоре объяснять о цели своего прихода сюда. И Ксения отвернулась, чтобы в очереди не увидели ее слез.

Разговаривавшие до этого женщины как-то вдруг сразу замолчали, и все устали на беременную девушку с большим животом. Но Квинт лишила их возможности выслушать откровения. Глянув на приумолкшую очередь, она сказала Ксении:

– Пойдем ко мне, – и отперла дверь своего кабинета. – Проходи, садись.

Заведующая села в свое кресло за стол. Ксения на стул напротив нее. И... расплакалась.

– Ну, ну, перестань, успокойся. В твоём положении нервничать нельзя. На, выпей воды, – Лилия Станиславовна налила из графина стакан воды, подала Ксению, произнесла строго: – Сейчас же успокойся и расскажи, что случилось. Не стесняйся. Можешь излагать со всеми интимными подробностями. Я ведь тоже женщина, к тому же врач, и тебя пойму.

– Ладно, – всхлиывая, ответила Ксения, перестав плакать. Носового платка у нее не было, и участливая Лилия Станиславовна отрезала ей кусок бинта, чтобы девушка могла вытереть слезы.

– Я тебя слушаю, – сказала Лилия Станиславовна, тем самым подталкивая Ксению к откровениям. Да Ксение и не хотелось ничего скрывать. Рассказала, как ее бросил парень, как отчислили из колледжа и выставили из общежития, как попала она к Артуру и как скиталась потом, не зная куда деваться. Уж очень хотелось хоть кому-то по-настоящему выговориться, чтобы полегчало на душе. Ведь нельзя же все время беду держать в себе. Сил на это не хватает. Носишь ее на сердце, а она как нарыв копится и того гляди прорвется наружу горькими слезами, вот как сейчас. Только ведь не все поймут ее и посочувствуют. Глядишь, посмеются, а то и пнут как собаку, чтобы еще больнее было. Как это сделал ее парень Лешка. И получается, что никому не нужна чужая беда, когда своих у каждого хватает. А как справиться со всем этим девчонки, когда ей нет еще и восемнадцати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.